

Арианна Дуо

МАТИЯ

по подписке

Арианна Дуо

Магия по подписке

<https://litres.ru/74215378>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лера Васильева строила стартапы, а не спасала миры. Но когда ты проваливаешься в реальность, где магия оформляется по форме 7-Б, заклинания выдаются по талончикам, а апокалипсис наступает из-за просроченного отчёта — приходится адаптироваться.

Её решение?

Стартап «Удобство» — магия как сервис. Нажал кнопку — получил результат. Без очередей, без ритуалов, без пафоса. Триста подписчиков. Четыре звезды. Конверсия — семьдесят два процента.

Вот только инспектор Элиан Строгопис насчитал 147 пунктов нарушающих Кодекса Реальности. Он носит правила как броню. Она видит в них баг, который можно превратить в полезную функцию. Между ними — война форм, лицензий и... кое-что, что нельзя вписать ни в одну графу.

А когда дракон-инвестор предлагает монетизировать конец света, а говорящий кот предупреждает о сбое, Лере предстоит доказать: мир спасают не герои. Его спасают те, кто вовремя сдаёт отчёты.

Ироничное фэнтези о магии, бизнесе и людях, которые не помещаются в формы!

Содержание

ГЛАВА 1. КЛИК, ПРОВАЛ И ПЕРВАЯ ЛИНИЯ ПОДДЕРЖКИ	5
ГЛАВА 2. ПИЛОТНЫЙ ЗАПУСК И ПЕРВЫЕ КЛИЕНТЫ	14
ГЛАВА 3. ПЯТЬ ЗВЁЗД И ОДИН ГЛЮЧНЫЙ ИНТЕРФЕЙС	27
ГЛАВА 4. УВЕДОМЛЕНИЕ О КРИТИЧЕСКОМ НЕСООТВЕТСТВИИ	45
ГЛАВА 5. АУДИТ РЕАЛЬНОСТИ И ОДИН ЛИШНИЙ СТИКЕР	59
ГЛАВА 6. СТАТУС-ОБНОВЛЕНИЕ: МРАКОЗАВР, ИЛИ КОТ, КОТОРЫЙ СЛОМАЛ ЧЕТВЁРТУЮ СТЕНУ	73
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Арианна Дуо

Магия по подписке

ГЛАВА 1. КЛИК, ПРОВАЛ И ПЕРВАЯ ЛИНИЯ ПОДДЕРЖКИ

Экран смартфона озарился мягким зелёным светом, подтверждая: заказ на двадцать четыре белые розы успешно оплачен, курьер получил маршрут и уже выехал в центр. Лера позволила себе выдохнуть, откинулась на высокую спинку офисного кресла и прикрыла глаза, чувствуя, как напряжённые плечи постепенно отпускают груз дневной суеты. В мире, где всё зависело от вовремя отправленных писем, утверждённых встреч и оплаченных счетов, этот маленький зелёный значок был почти осязаемым доказательством того, что день сложится удачно, а вечер пройдёт без лишних звонков и недоразумений. Рядом, у ножки стола, в пластиковой переноске недовольно фыркнул Барсик, переворачиваясь на другой бок и демонстрируя всем видом глубочайшее пренебрежение к человеческим дедлайнам, графикам и попыткам впихнуть невпихуемое в двадцать четыре часа. Лера не стала открывать защёлку, прекрасно зная: выпущенный на свободу кот первым делом исследует мусорную корзину, затем ля-

жет на клавиатуру, а к вечеру устроит показательную демонстрацию абсолютного равнодушия к любым попыткам структурировать реальность. Сегодня он ехал с ней не по своей воле, а потому что ветеринар внезапно отменил приём и перенёс визит на следующую неделю. Оставлять переноску дома было попросту бессмысленно: Барсик имел привычку превращать любое оставленное без присмотра пространство в полигон для экспериментов по разрушению уюта.

Телефон в ладони тихо завибрировал, уведомляя о новом сообщении. Лера уже собиралась смахнуть его привычным жестом, когда заметила странное. Полоса загрузки под статусом заказа не двигалась, а вместо привычного анимированного кружка на экране пульсировало нечто фиолетовое. Это не было ни ошибкой приложения, ни стандартной иконкой системы; скорее, это напоминало дыхание, исходящее из самого стекла — медленное и ритмичное, будто устройство не просто отображало информацию, а проживало её. Лера нахмурилась, дважды нажала кнопку перезагрузки, но экран лишь моргнул. Фиолетовое свечение усилилось, расплываясь по краям дисплея тонкими линиями, похожими на трещины старинного витража. Они не разбивали поверхность, а плавно переплетались, образуя сложный узор, который медленно начинал вращаться, притягивая взгляд подобно гипнотической спирали, заставляющей забыть о времени и пространстве. Воздух вокруг устройства вдруг стал плотнее, наполнился едва уловимым запахом озона, старой бумаги и

чего-то сладковатого, напоминающего расплавленную карамель, смешанную с пылью после летнего дождя. Лера попыталась отпустить смартфон, но пальцы будто приросли к холодному корпусу, а кресло под ней теряло устойчивость, растворяясь в невидимом потоке, который подхватывал не только предметы, но и ощущение привычной гравитации. Она зажмурилась, чувствуя, как знакомая геометрия кабинета ломается, складывается по невидимой оси и увлекает её куда-то вбок, а не вниз, как обещала бы физика. Переноска качнулась, но не упала, а поплыла рядом, словно подхваченная невидимым ветром. Барсик внутри перестал ворчать и затаил дыхание, будто понимая, что спорить с происходящим бессмысленно. Мир дрогнул, звук растворился в тишине, и Лера провалилась в неизвестность, которая пахла озоном и старой бумагой.

Ощущение падения оказалось обманчивым, сменившись лёгким, почти невесомым скольжением, пока пространство не остановилось так же внезапно, как и началось, оставив после себя лишь эхо тихого гудения, напоминающего работу огромного, но уставшего механизма. Лера медленно открыла глаза, ожидая увидеть стены коворкинга или, в худшем случае, разбитый экран телефона, но перед ней раскинулся зал, от которого захватывало дух и одновременно хотелось улыбнуться от непривычного абсурда. Мраморный пол, отполированный до зеркального блеска, уходил вдаль, отражая высокий свод, расчерченный золотыми линиями, пульсиро-

вавшими в такт тому самому ровному, неспешному гулу. По обе стороны тянулись ряды деревянных перегородок, за каждой из которых сидели люди в одинаковых серых жилетах и стандартных гарнитурах. Перед ними в воздухе парили полупрозрачные свитки, исписанные светящимися строками, менявшими цвет в зависимости от срочности запроса. Кто-то терпеливо шептал в микрофон, подбирая слова для успокоения невидимого собеседника, кто-то делал пометки гусиным пером, оставляя на бумаге чернильные росчерки, похожие на магические печати, а кто-то просто смотрел в потолок, беззвучно считая минуты до конца смены и мечтая о чашке чая, которая остыла бы ровно в тот момент, когда её наконец принесут. В центре помещения висело огромное табло, где неспешно менялись цифры: четыреста восемь... четыреста девять... четыреста десять. Рядом горела вежливая, но безжалостная надпись: «Ожидайте вызова. Ваше время ценно. Приносим извинения за задержку». Под ней мелким шрифтом добавлялось с той самой канцелярской бездушностью, от которой хочется смеяться сквозь слёзы: «Среднее время ожидания: три с половиной эпохи».

Лера моргнула, пытаясь осознать увиденное, провела рукой по лицу, убеждая себя, что не спит. И лишь когда переноска мягко стукнулась о мрамор, а телефон в руке вновь загорелся привычным светом, реальность окончательно закрепилась на своих местах. На экране появилась лаконичная строка: «Добро пожаловать в Службу Реальности. Выбе-

рите услугу: один — бытовые чары, два — защитные контуры, три — персональные благословения, четыре — жалобы на качество магии, пять — оператор». Она нажала цифру пять, затем снова, но система лишь мигнула. Из динамиков раздался мягкий, безупречно вежливый голос, звучащий будто отовсюду одновременно, с той самой интонацией, которую обычно приобретают специалисты после тысячи одинаковых вопросов в день: «Спасибо, что выбрали нас. Ваш вызов очень важен. Оставайтесь на линии. Ближайший свободный специалист ответит через двенадцать минут. Чтобы узнать статус вашего обращения, нажмите единицу, для отмены — двойку, для прослушивания меню вновь — тройку». Лера едва сдержала вздох, когда перед ней материализовалась стойка из светлого дерева, на которой аккуратной стопкой лежали бланки и чернильница с пером. Рядом висела табличка с лаконичным призывом: «Получите талон. Заполните форму. Ожидайте». В воздухе стоял запах воска, пыли и чего-то неуловимо электрического, словно само помещение дышало бумагой и правилами.

Она взяла верхний лист, чувствуя, как тёплая бумага слегка вибрирует под пальцами, будто живая, и на мгновение задумалась, не стоит ли проверить пульс у бланка, но быстро отбросила эту мысль, решив: в мире, где магия оформляется как техподдержка, логика должна уступить место адаптации. Вверху значилось: «ФОРМА А-ОДИНАДЦАТЬ: Запрос на первичное взаимодействие с локальным континуумом». Ни-

же шли привычные графы, адаптированные под местную логику: «Имя. Причина попадания. Уровень стресса от единицы до десяти. Наличие аллергических реакций на парящие объекты. Согласие с условиями обработки персональных эссенций». Внизу оставалось место для подписи и оттиска в виде капли воска, которая не таяла, а ждала прикосновения, сохраняя форму идеального конуса. Лера посмотрела на перо, затем на табло, где цифра сменилась на четыреста двенадцать, и поняла, что спорить с системой бесполезно. Остётся лишь научиться читать её правила, как читают договоры перед подписанием: внимательно, без эмоций, с расчётом на последствия. Она аккуратно вывела своё имя, в графе причины попадания написала «неизвестный сбой приложения», уровень стресса оценила в восемь, возможно, девять, аллергии указала на пыль, некомпетентность и фоновую музыку в очередях, поставила дрожащую, но чёткую подпись и поднесла бланк к лампе над стойкой. Воск оплавился, бумага мягко шуршала, раздался тихий щелчок, и форма исчезла, уступая место полупрозрачному талончику с номером «ноль-один» и припиской: «Ваш запрос принят. Ожидайте». Лера вернулась на ближайшую скамью, поставила переноску рядом и открыла ежедневник, решив, что если мир решил играть по правилам бюрократии, она сыграет лучше всех, превратив неудобство в систему, а систему — в комфорт.

Воздух возле третьей колонны внезапно дрогнул — не от жара и не от сквозняка, а словно кто-то невидимый пытался

провести в пространстве прямую линию, но рука предательски дрожала. Линия появлялась, рассыпалась на светящиеся точки, собиралась заново под иным углом, а рядом зависло полупрозрачное окно с надписью: «Обновление контура стабильности два-четыре-один. Не выключайте питание. Ошибка четыреста девять: конфликт версий». Окно мигнуло, точки закружились подобно снежинкам в февральском ветре и растворились в пустоте, не вызвав ни у кого в зале ни удивления, ни паники. Лера замерла, чувствуя, как сердце начинает биться чаще, и в её голове уже формировалась мысль, которая казалась безумной, но оттого не менее верной: если магия здесь работает как плохо настроенный сервис, её можно оптимизировать. Убрать очереди, упростить формы, сделать так, чтобы человек получал нужное заклинание не за три эпохи, а за три нажатия. Это не было желанием стать героиней пророчеств или спасительницей миров; это было простое, почти профессиональное желание навести порядок в хаосе, превратить магию в удобный инструмент, создать сервис, который будет работать так, как должен работать любой сервис: быстро, понятно, без лишних вопросов и бесконечных форм. Идея казалась настолько естественной, что Лера даже удивилась, почему никто не додумался до этого раньше, но тут же напомнила себе, что люди привыкли считать волшебство чем-то загадочным, а не практичным. И в этом, возможно, крылась главная причина бесконечных очередей и зависших порталов.

Из переноски донёлся тяжёлый, глубокий вздох, и Барсик медленно поднял голову, посмотрев на неё сквозь решётку. Его глаза, обычно карие, на долю секунды стали серо-голубыми, отразив свет табло, а затем вернулись к привычному оттенку, словно ничего не произошло. Кот не мяукнул, не потянулся, а лишь медленно моргнул, и в этом движении Лера прочитала не вопрос и не испуг, а спокойное, почти одобрительное признание. Словно он знал, что всё только начинается, и был готов сопровождать её в этом странном путешествии, не требуя объяснений и не навязывая правил. Она улыбнулась — уже не криво, а по-настоящему, — потому что поняла: хаос — это не враг, а просто система, которая ещё не нашла своего оператора. А значит, её можно запустить, настроить и заставить работать так, как нужно людям, а не так, как привыкли боги. Телефон в руке вновь моргнул, на экране появилась новая строка: «Ваш запрос номер ноль-один перенаправлен. Ожидайте специалиста по адаптации. Прогноз времени: неизвестно. Спасибо за терпение». Лера положила устройство на колени, поправила переноску и посмотрела на табло, где цифра сменилась на четыреста пятнадцать. Мир не боялся меняться, он просто ждал, пока кто-то первый сделает шаг, протянет руку и покажет, что неудобство — это не закон природы, а временная недоработка. И этот шаг уже был сделан. Оставалось лишь дожидаться ответа системы или перестать ждать её самой. А пока можно было наблюдать, как золотые линии на своде пульсируют в такт дыханию зала,

как люди в серых жилетах шепчут в микрофоны, как талончики медленно меняют цвет и как кот в переноске, закрыв глаза, будто одобряет этот тихий, почти музыкальный ритм нового мира.

ГЛАВА 2. ПИЛОТНЫЙ ЗАПУСК И ПЕРВЫЕ КЛИЕНТЫ

Сидя на жёсткой деревянной скамье, чьи края давно стерлись от локтей ожидающих, Лера медленно переводила взгляд с одного оператора на другого. В ежедневнике она фиксировала каждую мелочь, цепляющую взгляд человека, привыкшего оценивать процессы не через призму привычки, а через эффективность. Мир вокруг дышал странными, но вполне измеримыми ритмами: ровное гудение золотых линий на высоком своде напоминало работу старого сервера, слышался тихий шелест гусиных перьев по тёплой, слегка вибрирующей бумаге, раздавались монотонные вздохи людей в серых жилетах, чьи плечи казались прижатыми невидимым грузом. Массивное табло бесконечно меняло цифры, жило собственной жизнью и совершенно не собиралось топиться ради чьего-либо комфорта, превращая ожидание в нечто сакральное и неизбежное.

Лера открыла новую страницу, провела кончиком ручки по краю. Знакомая привычка структурировать хаос возвращалась к ней с каждым новым наблюдением. Она начала составлять схему, превращая абстрактное пространство в наглядную карту процессов. Сверху аккуратно вывела: «Точка входа: форма А-одиннадцать». Ниже провела стрелку к

пункту: «Проверка талона и подтверждение намерений». Затем ещё одну линию к прямоугольнику: «Ожидание вызова, среднее время — неизвестно». Потом добавила: «Заполнение формы Б-семь с приложением справки». И так далее, пока лист не покрылся густой сетью из стрелок, пометок и условных знаков. Схема превращалась в детальный маршрут бюрократического лабиринта, который местные жители считали естественным порядком вещей. Они не задавались вопросом, почему путь к простому бытовому заклинанию должен напоминать восхождение на гору, где каждый шаг требует отдельного разрешения.

Лера знала: это не порядок. Это застрявший процесс, который давно перестал служить людям и начал служить самому себе, порождая бесконечные подтверждения, проверки и ожидание ради ожидания. А если процесс застрял, его можно либо принять как данность, либо аккуратно переписать, сохранив суть, но убрав всё лишнее.

Она оторвала взгляд от бумаги и снова окинула зал. Люди в очереди не просто ждали — они внутренне смирились с правилами, будто ожидание само по себе было частью магии, необходимым ритуалом, без которого чары утратят силу. Женщины поправляли платки, мужчины переступали с ноги на ногу, подростки листали потрёпанные брошюры с инструкциями по безопасности. Во всех этих движениях Лера читала не нетерпение, а привычку. Привычку к тому, что волшебство должно быть трудным. Что удобство — роскошь

для тех, у кого есть время ждать, а результат приходит не по запросу, а по расписанию, составленному много веков назад.

Лера закрыла ежедневник, провела пальцем по шероховатой обложке и поняла главное: если магия здесь работает как сервис, её можно оптимизировать. Не ломая законы мироздания, а просто убирая лишние шаги, сокращая согласования и делая так, чтобы человек получал нужное заклинание не через три эпохи, а через три понятных действия. Это не бунт против традиции. Это улучшение, основанное на простой мысли: люди хотят не церемоний, а результата. А результат можно доставить, если выстроить путь к нему логично, прозрачно и без скрытых условий.

Она достала из кармана пиджака магический планшет. Механизм его активации она ещё не до конца понимала, но устройство уже откликалось на прикосновения. Лера прижала его к ровной поверхности скамьи. Экран вспыхнул мягким голубым светом, отобразив пустую таблицу с ячейками и полями для ввода. Проведя пальцем по стеклу, она почувствовала лёгкую вибрацию, будто гаджет приветствовал новую мысль.

Она начала вписывать название: «Удобство». Подзаголовок: «Бытовые чары без очередей». Затем выстроила структуру: заявка, подтверждение, доставка, гарантия, оплата по факту получения результата. Никаких многостраничных согласований. Никаких форм с графами про прошлые жизни и психическое равновесие. Никаких ожиданий, растянутых на

неизвестные сроки. Только чёткий маршрут, понятные условия, результат в оговорённый срок.

Лера знала, что для мира, где магию считали сакральной тайной, требующей ритуалов, благословений и одобрения Совета, это звучит наивно. Но каждый крупный сервис когда-то начинался с одной простой идеи: сделать то, что другие считают невозможным, удобным для обычного человека, который просто хочет, чтобы его жизнь работала без лишних препятствий.

Барсик в переноске лениво потянулся, задел лапой решётку — по пластику прошёл тихий стук. Кот посмотрел на Леру своим вечным взглядом, в котором, казалось, помещалось больше понимания, чем во всех формах этого зала вместе взятых. Лера улыбнулась, не отрываясь от экрана, и продолжила настраивать интерфейс: добавила поля для указания типа запроса, желаемого времени выполнения и способа обратной связи. Она не усложняла. Не добавляла лишнего. Просто убирала барьеры, которые давно перестали быть защитой и превратились в препятствия.

Поднявшись со скамьи, она поправила слегка помявшийся пиджак и взяла переноску в руки. Пластик мягко грелся от тепла кота, устроившегося внутри поудобнее. Барсик словно заранее принимал тот факт, что сейчас начнётся что-то, за что ему, возможно, придётся отвечать морально, но что он всё равно будет оценивать по собственной шкале.

Лера обошла зал, изучая лица, позы, жесты. Она пыта-

лась понять: кто из посетителей готов рискнуть и попробовать иной путь, а кто уже смирился с неизменностью системы и перестал ждать от неё чего-то большего, чем очередная форма для заполнения. Её внимание привлекла женщина у стойки номер три. Та в третий раз переписывала одно и то же поле в бланке, вздыхая так тяжело, будто каждая буква отнимала силы. Плечи опускались всё ниже, словно груз ожидания давил сильнее самих обстоятельств.

Лера подошла ближе. Не навязываясь, не нарушая личных границ, она просто встала рядом и мягко спросила, можно ли помочь. Не обещая чудес, а предлагая вариант. Женщина подняла глаза — удивлённая, настороженная, но в её взгляде читалась та самая усталость, которая заставляет человека согласиться на любое предложение, лишь бы оно несло хоть каплю облегчения и не требовало стоять в очереди ещё несколько часов.

Лера показала ей экран планшета, провела пальцем по строкам и объяснила суть простыми словами. Без терминов, без пафоса, без попыток доказать, что она умнее системы или понимает магию лучше тех, кто работает здесь десятилетиями. Она просто показала, как всё может работать иначе, если убрать лишнее и сосредоточиться на результате.

Женщина долго смотрела на экран, потом на Леру, затем снова на дисплей. Казалось, она пыталась найти подвох: скрытую форму, невидимую печать, способную превратить простую схему в очередной бюрократический капкан,

где вместо результата придёт штраф за неверно заполненную графу. Но подвоха не было. Была лишь возможность, оформленная в виде чётких шагов и понятных условий. Когда Лера добавила, что оплата взимается только после получения результата, а гарантия покрывает полный возврат в случае неудачи, женщина медленно кивнула. Она достала из кармана монету с выгравированным символом домашней защиты и положила на ладонь Леры как залог. Металл приятно холодило кожу.

Это был первый клиент. Не по контракту. Не по пророчеству. Не по рекомендации Совета. Просто человек, который устал ждать и решил, что один шаг к удобству не разрушит мир.

Лера записала заявку: «Очистка кухни от застарелой порчи на сковороде. Срок: до вечера. Гарантия: возврат монеты при отсутствии результата». Она знала, что для мира, где магию считали чем-то возвышенным, требующим свечей, благовоний и молитв, это звучит смешно. Но сковородка была обычной, нагар — следствием неправильного ухода, а не проклятием древних богов. Люди хотят чистоты, а не церемоний.

Сделав пометку в ежедневнике, Лера перешла к следующему. Её внимание привлёк пожилой мужчина с палочкой, которая, судя по всему, служила не столько опорой, сколько магическим аккумулятором, давно утратившим связь с владельцем. Он жаловался соседу по очереди: после последнего

обновления лицензии палочка перестала реагировать на команды. В службе поддержки сказали ждать следующего патча, запланированного на следующую декаду. Из-за этого он уже неделю ходил, опираясь не только на дерево, но и на терпение.

Лера не стала спорить с системой. Она предложила временное решение: ручную калибровку через простой контур стабилизации. Мелом на мраморном полу она начертила формулу, выведенную из анализа багов третьей колонны и наблюдений за тем, как золотые линии реагируют на перепады давления в воздухе. Мужчина смотрел на неё с недоверием, поправляя очки, пока контур не засветился мягким золотом. Палочка в его руке дрогнула и отозвалась привычным теплом, будто вспомнила, зачем была создана. Глаза старика расширились, плечи расправились, дыхание стало ровнее. Он молча положил на ладонь Леры серебряную монету, кивнул и пошёл прочь, уже не опираясь на палочку так сильно, словно вдруг вспомнил, что способен идти самостоятельно, не запрашивая разрешения на каждый шаг.

Это был второй клиент. И второй шаг, подтверждающий, что идея работает не на бумаге, а в реальности.

Барсик внутри переноски издал звук, который Лера уже научилась распознавать как смесь скепсиса и одобрения. Кот не говорил, не давал советов и не ломал четвёртую стену прямым текстом, но его присутствие работало как камертон, настраивающий на нужную частоту. Он безмолвно напоминал:

правила существуют, чтобы их понимать, а не слепо исполнять. И что любая система рано или поздно сталкивается с человеком, который решает не ждать, а действовать.

Лера продолжила, принимая третьим клиента — девушку с ребёнком. Защитный контур на колыбели начал мерцать, предупреждая о скором отключении из-за несовместимости версий. Мать скрывала тихую панику за улыбкой и попытками успокоить младенца. Четвёртым оказался торговец специями: его весы перестали показывать точный вес после смены фазы луны. Теряя клиентов и репутацию, он тщетно следовал инструкциям из последней редакции справочника. Пятым — студент архивного факультета. Ему требовалось простое заклинание концентрации перед экзаменом, но он уже три дня топтался в очереди. Форма на «интеллектуальную поддержку» требовала справки о психическом равновесии, а справку выдавали только после прохождения той же формы. Замкнутый круг, из которого без посторонней помощи не вырваться.

Лера принимала каждого: записывала заявку, объясняла условия, брала символический залог (возвращаемый при неудаче) и уходила к краю зала. Там мраморный пол переходил в узкую арку, ведущую во внутренний двор. Скрытый от глаз операторов и табло, двор дышал прохладой. Золотые линии на своде пульсировали реже, создавая ощущение тихой гавани посреди бюрократического шторма.

В тени старых колонн, где пыль смешивалась с запахом

сушёных трав и старой бумаги, Лера разложила планшет на плоском камне, открыла ежедневник, сверилась с данными и начала работать. Без сложных ритуалов, древних слов и пентаграмм. Она просто анализировала запрос, находила ближайший системный баг и обходила его через собственную схему, выведенную из наблюдений. Энергия направлялась туда, где была нужна. Магия превращалась в логистику, маршрутизацию, управление потоком: каждое действие имело причину, каждый результат — понятный источник.

Когда первый контур засветился, когда воздух вокруг сковородки стал чище, когда палочка старика отозвалась теплом, когда колыбель перестала мерцать, а весы торговца снова показали точные цифры, Лера почувствовала то самое состояние. То, что когда-то заставляло её работать ночами, пить остывший кофе и верить: система может быть лучше, если подойти к ней не со страхом, а с заботой о конечном пользователе.

Она почувствовала результат. Не в виде аплодисментов или наград. В виде тихого выдоха человека, который наконец получил то, за чем пришёл. Не потратив часы на ожидание, не заполнив десяток форм, не доказывая, что достоин помощи. Просто потому, что кто-то решил убрать лишнее и оставить главное.

Барсик выбрался из переноски, когда солнце начало склоняться к западу, окрашивая колонны в тёплые тона. Он медленно подошёл к камню, обнюхал экран, фыркнул и улёг-

ся рядом, положив голову на передние лапы. Взгляд кота скользнул к Лере. В её глазах не было усталости — лишь спокойная уверенность человека, нашедшего свой метод и готового его развивать.

В его взгляде не было вопроса. Не было удивления. Лишь тихое признание: процесс запущен. Идея превращается в действие. Хаос, который все считали неизменным, уже начал подстраиваться под чужую логику. И это не конец традиции, а её эволюция, необходимая для выживания в мире, где время перестаёт быть бесконечным, а люди предпочитают получать результат, а не ждать чудес.

Лера улыбнулась, провела пальцем по шерсти кота. Статическое электричество слегка покалывало кожу. Она открыла ежедневник, чтобы записать первые итоги, фиксируя не только цифры, но и ощущения после каждого выполненного заказа.

Пять заявок. Пять выполненных. Пять возвращённых залогов. Пять людей, которые теперь знали: есть другой путь. Путь, не требующий жертв, а требующий лишь понимания и готовности попробовать.

Она не называла это победой. Это был пилот. Тест. Проверка гипотезы. И пока гипотеза работала, она могла двигаться дальше: улучшать форму, уточнять условия, добавлять новые типы запросов, расширять охват. Но не забывать, что каждая заявка — не просто задача. Это человек, который доверился ей, оставив в её руках не монету, а надежду

на то, что в этом мире всё ещё можно сделать проще.

Но стоило ей закрыть планшет и направиться обратно в зал за новыми клиентами, как воздух у арки дрогнул. Не так, как раньше. Не как рядовой баг обновления. Скорее, как реакция системы на внешнее вмешательство: невидимые нити, связывающие процессы, натянулись, пытаясь вернуть всё в привычное русло. Золотые линии на своде на секунду стали ярче, погасли и вспыхнули вновь — уже с другим, более холодным и напряжённым оттенком. Будто кто-то заметил: в отлаженном механизме появился чужой элемент. Элемент, работающий не по инструкции, а по собственной логике. А это требовало внимания, проверки и, возможно, вмешательства.

Лера замерла. Привычное спокойствие сменилось лёгким напряжением. Она знала: любое изменение в устоявшейся системе вызывает отклик. Даже если оно простое, направлено на удобство и лишено амбиций разрушения. Система не любит, когда её обходят. Она любит, когда её заполняют. Когда люди следуют маршруту, ждут, соглашаются с тем, что неудобство — это норма, а не временная недоработка.

И если система уже заметила её действия, время пилота заканчивается. Начинается время последствий. За каждым успехом придётся отчитываться. За каждым упрощением — доказывать право на существование. За каждым доверием — нести ответственность перед теми, кто привык контролировать процессы, а не служить им.

Барсик поднял голову, посмотрел на свод, медленно моргнул и издал звук, который Лера уже не могла списать на обычное мяуканье. Это было предупреждение. Или одобрение. А скорее — и то, и другое. В мире, где магия работала как сломанный кол-центр, а люди ждали разрешения на каждый шаг, появление того, кто решил действовать, всегда вызывало смешанные чувства: страх перед неизвестным и тихую надежду на перемены.

Лера глубоко вдохнула, поправила пиджак, собрала ежедневник и планшет, взяла переноску и шагнула обратно в зал. Цифры на табло сменились. Очередь не стала короче. Люди не перестали вздыхать. Но теперь Лера знала: за каждым вздохом стоит запрос. За запросом — человек. А за человеком — возможность сделать что-то иначе. Не разрушая, а улучшая. Не ломая, а настраивая. Не ожидая чуда, а создавая условия, в которых оно произойдёт без лишних форм и бесконечных согласований.

Она не стала героем пророчеств. Не стала избранной. Не той, кто спасает мир мечом или заклинанием. Она стала тем, кто просто предложил удобство. И в мире, где магия работала как сломанный кол-центр, этого оказалось достаточно, чтобы запустить цепную реакцию. Рано или поздно от неё потребуются не только умение запускать сервисы, но и готовность защищать их перед теми, кто привык измерять ценность процесса количеством заполненных граф, а не количеством людей, получивших помощь.

Оставалось лишь дождаться решения системы: закрыть её или позволить работать дальше. А пока можно было принимать заявки, заполнять таблицы, возвращать монеты и смотреть, как люди выдыхают, наконец получая то, за чем пришли.

Мир не боится меняться. Он просто ждёт, пока кто-то первый покажет, что это возможно. И сделает это не с позиции силы, а с позиции заботы. Не требуя поклонения, а предлагая сотрудничество.

Лера уже сделала первый шаг. Оставалось пройти следующие. Каждый из них будет не легче предыдущего. Но именно поэтому он стоит того, чтобы его сделать.

ГЛАВА 3. ПЯТЬ ЗВЁЗД И ОДИН ГЛЮЧНЫЙ ИНТЕРФЕЙС

Утро в «Удобстве» началось не с будильника, а с гула. Не магического, не мистического, а того самого низкочастотного, утробного звука, который издаёт серверная стойка, когда в неё одновременно валят запросы от тысячи пользователей, не удосужившихся прочитать документацию.

Лера стояла за прилавком, как капитан на мостике тонущего, но всё ещё красивого лайнера. Её пиджак был застёгнут на две пуговицы вместо трёх, пучок держался на честном слове и трёх шпильках, а магический планшет в руках пульсировал, как сердце марафонца на двадцать пятом километре.

— Двести сорок семь заказов за первый час, — проговорила она, протирая ладони о брюки. — Сто девяносто «Утренних бодрости-заклинаний», двадцать «Анти-пыли Премиум», тридцать шесть «Быстрых парковок для метал» и... — она замерла, вглядываясь во всплывающее окно, — один запрос на «Анти-проклятие». Срочно. С пометкой: «семейное, трёхпоколенное, с пробочкой в виде икоты, вызывающей левитацию».

Барсик, развалившийся на подушке в форме облака, лениво приоткрыл один глаз. Шерсть на его ушах слегка вста-

ла дыбом, заряженная статикой от переполненных каналов маны.

— Поздравляю, — протянул он голосом, напоминающим сомелье, вынужденного дегустировать дешёвое вино после ночного перелёта. — Ты запустила MVP. Рынок провалился в воронку. Осталось не утонуть в конверсии. И купить мне тунца. Альбакора. Я оракул, а не швейцарский нож с функцией открывалки.

— Я помню, — бросила Лера, не отрываясь от экрана. Пальцы летали по интерфейсу: калибровка узлов, перераспределение потоков, ручной перезапуск трёх зависших курьеров-призраков. — Я просто... масштабирую.

— Масштабирование без резервного контура — это путь к краху, — парировал кот. — Но кто я такой, чтобы учить попаданку, которая думает, что мана — это подписка SaaS с авто продлением.

Лера проигнорировала его. Она знала риски. Знает их каждый, кто когда-либо запускал что-то с нуля. Но риск — это плата за рост. А рост — единственный способ не исчезнуть в мире, где тебя не ждали, но где ты вдруг оказалась нужна.

Она выпрямилась, поправила пиджак и открыла дверь.

Улица уже жила. Фонари мерцали, выводя на стёкла зданий логотипы гильдий. Воздух был густым от спорящих заклиний: где-то кто-то пытался вызвать дождь, но получились лишь лёгкий туман с запахом лаванды и офисной бума-

ги. Лера прошла к стойке, где уже выстроилась очередь. Не огромная, но уверенная. Люди в мантиях, купцы с сундуками, ученики академии с растрёпанными волосами и глазами, полными надежды на то, что кто-то наконец сделает магию удобной.

— Добро пожаловать в «Удобство», — улыбнулась Лера.
— Что будем оптимизировать сегодня?

Первый клиент, женщина средних лет с седой прядью и глазами, полными усталости от вечных проклятий на урожай, протянула свиток.

— «Анти-проклятие Премиум». Мне сказали, вы работаете быстро. И без... пафоса.

Лера кивнула, провела пальцем по планшету. Экран вспыхнул зелёным. Магия отозвалась не мгновенно, как в учебниках, а с лёгкой задержкой, как приложение, загружающее кэш. Но она отозвалась. Воздух над прилавком дрогнул. Появилась тонкая нить, похожая на оптоволокно, и ушла в пол, в город, в саму структуру реальности. Через три секунды женщина моргнула. Её плечи опустились. Лицо просветлело.

— Работает, — выдохнула она. — Как же... работает.

— Потому что мы не молимся, — сказала Лера. — Мы настраиваем.

Она провела рукой, отметила галочку в системе. Уведомление: «Заказ выполнен. Клиент оценил: 5 звёзд. Комментарий: „Наконец-то кто-то понимает, что проклятие — это не

наказание, а баг в логистике“».

Лера улыбнулась. Это было её. Не магия. Не героизм. А порядок. Контроль. Возможность превратить хаос в процесс. Дверь открылась снова.

И воздух в помещении мгновенно стал другим.

Не холоднее. Не тяжелее. Просто... структурированное.

Он вошёл так, будто каждый шаг был заранее согласован с гравитацией, расписанием городского транспорта и, возможно, с самим Кодексом магической логистики. Пиджак безупречного кроя, рубашка, застёгнутая до последней пуговицы, волосы, уложенные с математической точностью. Лицо строгое, взгляд прямой, осанка такая, что рядом с ним даже пылинки боялись падать не по графику.

Он остановился у стойки. Положил на стол папку. Не толстую. Тяжёлую. Как будто в ней лежала не бумага, а сама концепция порядка.

— Добрый день, — произнёс он. Голос ровный, но с той самой интонацией, от которой у менеджеров среднего звена начинаются нервные тики, а у основателей бизнеса — желание срочно сменить нишу. — Я хотел бы протестировать ваш «Анти-проклятие Премиум». Для... знакомого.

Лера подняла глаза. Их взгляды встретились. В его глазах не было любопытства. Не было скепсиса. Была только проверка. Как у аудитора, который пришёл не искать ошибки, а убедиться, что они есть. И задокументировать их в трёх экземплярах.

— Тестовый запуск? — уточнила Лера, сохраняя профессиональную улыбку, которую отрабатывала перед зеркалом ещё в прошлой жизни. — Конечно. Заполните форму. Укажите тип проклятия, срок действия, наличие сопутствующих побочных эффектов. И... — она запнулась, заметив, что его взгляд скользнул по её планшету, задержавшись на иконке «ручной перезапуск», — наличие лицензии на использование каналов маны.

— Лицензия есть, — сказал он. Достал из папки документ. Положил его рядом с формой. Ровно. Под углом девяносто градусов к краю стола. — Но я бы хотел посмотреть, как вы работаете. Вживую.

— Живое наблюдение включено в тариф «Премиум», — сказала Лера. — Но обычно клиенты предпочитают дистанционное сопровождение. Меньше стресса для системы.

— Я не стрессовый, — ответил он. — Я точный.

Лера почувствовала, как внутри что-то дрогнуло. Не страх. Не раздражение. Скорее... узнавание. Это был тот тип человека, которого она встречала в прошлой жизни. Тот, кто верил в правила больше, чем в людей. Тот, кто мог сломать стартап одним вопросом. И тот, с которым ей хотелось доказать, что правила можно переписать. Не потому что они плохие. А потому что они не учитывают человеческий фактор.

— Хорошо, — сказала она. — Начнём.

Она провела пальцем по экрану. Запустила демо-режим. Магия отозвалась. Но на этот раз задержка была заметнее.

Не секунда. Две. Три. Лера нахмурилась. Проверила лог. Всё в норме. Но где-то в глубине системы что-то скрипело. Как колесо, которое пора бы смазать, но все бегут марафон.

— Вы загружаете каналы маны без буфера, — сказал мужчина, не отрывая взгляда от экрана. — Это нарушение пункта 14.3 Кодекса магической логистики. При перегрузке канал рвётся. Заклинание уходит в фон. Клиент получает не результат, а эхо.

— Мы работаем на границе допустимого, — ответила Лера, стараясь говорить ровно. — Чтобы не работать в границах устаревшего.

— Устаревшего? — Он чуть приподнял бровь. Впервые за всё время в его голосе промелькнуло что-то кроме холода. Удивление? Или... интерес? — Кодекс создавался, чтобы реальность не рассыпалась. Не чтобы стартапы гонялись за метриками.

— Реальность уже рассыпается, — сказала Лера. — Вы просто смотрите в отчёты, а не в окна.

Они замолчали. Воздух между ними стал плотным. Не враждебным. Напряжённым. Как струна, которую вот-вот заденут. Как два магнита, которые кто-то пытается соединить одинаковыми полюсами.

Барсик, наблюдавший с подушки, медленно перевёл взгляд с одного на другого. Глаза кота на секунду сменили оттенок с обычного янтарного на глубокий, почти фиолетовый.

— Троп «столкновение хаоса и порядка», — пробормотал он. — Шкала: 8 из 10. Но химия есть. Не та, что в дешёвых романах. А та, что в хороших сценариях. Когда двое не могут отвести взгляд, потому что видят в другом то, чего боятся в себе.

Лера проигнорировала его. Она сосредоточилась на планшете. Запустила финальную калибровку. Магия должна была пойти по цепочке. Но вместо этого экран моргнул. Зелёный сменился на оранжевый. Потом на красный. Потом на странный, переливающийся фиолетовый, как глитч в старом мониторе.

— Что это? — спросил мужчина. Шагнул ближе.

— Не знаю, — честно сказала Лера. Пальцы забегали по экрану. Перезагрузка. Не помогла. Проверка маршрутов. Всё чисто. Но система не отзывалась. Она просто... зависла. И начала нагреваться. Прямо в руках.

— Вы не резервируете контур, — повторил он. Но уже не как обвинение. А как констатацию. И сделал то, чего от него меньше всего ждали: протянул руку. — Дайте мне перо.

Лера посмотрела на него. На его пальцы. Тонкие, аккуратные, без единой царапины. На папку, которая всё ещё лежала на столе. На его лицо. В нём больше не было только проверки. Было что-то ещё. Что-то похожее на... готовность помочь. На готовность рискнуть нарушить свой собственный алгоритм ради одного срабатывающего механизма.

Она протянула ему стилус. Их пальцы встретились. На до-

лю секунды. Кожа коснулась кожи.

И мир мигнул.

Не магически. Не драматично. Просто... синхронизировался.

Лера почувствовала, как по спине пробежал лёгкий ток. Не электрический. Человеческий. И одновременно — странный, тихий отзвук в груди, будто её пульс на мгновение подстроился под чужой ритм. Она моргнула. Убрала руку. Но ощущение осталось. Как эхо в пустой комнате.

Он взял стилус. Провёл им по экрану. Не касаясь его. Просто в воздухе, выводя в магическом поле три контурных символа, которые Лера видела впервые. Магия отозвалась. Не идеально. Но пошла. Фиолетовый сменился на синий. Потом на зелёный. Система перезапустилась.

— Вы... знали, как это сделать? — спросила Лера. Голос прозвучал чуть тише, чем она планировала. И чуть ближе к искреннему удивлению, чем к профессиональному интересу.

— Я читаю документацию, — ответил он. Убрал руку. Вернул стилус. Но не сразу. Их взгляды снова встретились. И в этот раз в его глазах было не только поря́док. Было любопытство. И что-то мягкое. Скрытое. Как страница, которую ещё не перевернули. — И я знаю, что перегрузка каналов вызывает резонанс биометрии. Вы случайно объединили наши сигнатуры в один буфер. Это... неэффективно. Но безопасно. Пока.

— Пока? — Лера почувствовала, как внутри поднимается знакомая волна паники, которую она обычно гасила чек-листами и дедлайнами. — Что значит «пока»?

— Что если сервер снова моргнёт, ваши физиологические показатели могут синхронизироваться на уровне выше порогового, — сказал он. Тон был ровным. Но угол губ дрогнул. Едва заметно. — Дыхание. Пульс. Теплоотдача. Это вызовет... дискомфорт. И неловкость.

Лера открыла рот, чтобы сказать что-то про КРІ и оптимизацию, но не успела.

Планшет пискнул. Не уведомление. Не заказ. Системный лог: «Биометрический буфер активен. Синхронизация: 42%. Прогноз стабильности: низкая. Рекомендуются физическое разделение или совместная калибровка».

— Физическое разделение, — повторила Лера. Голос звучал немного глуше. — Это значит... отойти?

— Это значит, — он сделал шаг назад. Но не ушёл. Просто создал дистанцию. Ровно в метр. Как по линейке. — Что если вы продолжите управлять системой в этом состоянии, ваши решения будут искажены. Эмоции влияют на магическую проводимость. Это базовый курс для стажёров.

— Я не стажёр, — парировала Лера. — Я основатель бизнеса. И я знаю, что эмоции — это данные. Просто не отформатированные.

— Не отформатированные данные приводят к потере пакетов, — ответил он. Но уже не смотрел на планшет. Смот-

рел на неё. На выбившуюся прядь волос, на слегка приоткрытые губы, на то, как её пальцы непроизвольно сжимают край пиджака, пытаюсь вернуть контроль. — А потеря пакетов приводит к ошибкам. А ошибки... — он запнулся. Впервые. — К непредсказуемым результатам.

Они замолчали. Воздух стал густым. Не от магии. От того, что оба пытались сохранить дистанцию, но система уже решила за них.

— Ладно, — сказала Лера. Голос вернулся к деловому. Но чуть ниже. Чуть мягче. — Тестовый запуск в «Премиум-кабине». Там экранированный контур. Мы синхронизируем буфер вручную. Без глитчей. Без резонанса. Без... неудобств.

— Без неудобств, — повторил он. Кивнул. — Логично.

Он взял папку. Пошёл за ней. Но не вперёд. Рядом. Шаг в шаг. Как будто гравитация наконец согласовала их расписания.

«Премиум-кабина» была тесной. Точнее, она была спроектирована для одного клиента и одного консультанта, но с учётом магических зазоров и эргономических норм старого гильдейского стандарта, который не предусматривал, что двое взрослых людей, привыкших контролировать пространство, окажутся в квадрате метр на полтора.

Лера села на стул. Элиан сел на противоположный. Их колени почти коснулись. Она отодвинулась. Стул скрипнул. Он подался вперёд. Стол дрогнул.

— Может, — начала Лера, пытаясь звучать как руководитель, а не как девушка, запертая в лифте с человеком, который пахнет озоном, старой бумагой и чем-то неуловимо тёплым, — вы просто подпишете соглашение об ответственности, а я запущу демо удалённо?

— Удалённая калибровка в условиях резонанса противопоказана, — ответил он. Достал из папки перо. Положил на стол. — Кроме того, если вы не видите процесс, вы не контролируете его. Это аксиома.

— Это паранойя, — возразила Лера. — Но ладно. Включаем.

Она провела пальцем по планшету. Активировала ручную синхронизацию. Экран вспыхнул. Магия вошла в контур. И сразу же система моргнула. Не зелёным. Не красным. Мягким, переливающимся золотым. Как закат. Как предупреждение. Как приглашение.

Лера почувствовала, как в груди сжалось. Не от страха. От узнавания. Её пульс участился. Она перевела взгляд на стол. На его руки. На то, как его пальцы лежат ровно. Но чуть напряжены.

— Ваше дыхание участилось, — сказал он. Не поднимая глаз. — Частота: 18 циклов в минуту. Норма: 12–14.

— Потому что в этом помещении душная вентиляция, — ответила Лера. Но голос дрогнул. Едва заметно.

— Вентиляция работает на 87% эффективности, — парировал он. Наконец поднял взгляд. — Дело не в воздухе.

— Тогда в чём?

— В том, — он сделал паузу. Впервые за всё время его голос потерял отточенную ровность. Стал чуть тише. Честнее. — Что вы боитесь потерять контроль. А я боюсь, что контроль — это иллюзия. И когда мы смотрим друг на друга, эта иллюзия... трещит.

Лера замерла. Планшет гудел в руках. Магия пульсировала в контуре. Но внутри неё всё остановилось. Не от магии. От того, что он сказал именно это. Не про баги. Не про лицензии. Про страх. Про тот самый, тихий, который живёт под пиджаками, пучками, формулировками и дедлайнами.

— Вы... — начала она. Но не нашла слов. Не тех, что в чек-листах.

— Я не должен был это говорить, — он опустил взгляд. Поправил манжет. Жест, который выдавал не спокойствие, а попытку вернуть себе опору. — Это не соответствует протоколу взаимодействия с клиентами. Я... извините.

— Не извиняйтесь, — сказала Лера. Голос вернулся. Но уже не деловой. Человеческий. — Протокол не учитывает, что люди — не узлы. Их нельзя маршрутизировать.

— Их можно документировать, — пробормотал он. Но уже без убеждённости.

— Только если вы готовы принять, что документация никогда не будет полной, — ответила она. И вдруг, сама не зная почему, протянула руку. Не к планшету. К его перу. К его руке. К тому, что было между ними. — Иногда... баг — это

фича. Просто ещё не описанная в мануале.

Он посмотрел на её руку. Потом на неё. В его глазах мелькнуло что-то тёплое. Испуганное. Искреннее. Он медленно, аккуратно, накрыл её пальцы своими. Не крепко. Не навязчиво. Как человек, который впервые касается чего-то, что не требует подписи.

И в этот момент планшет пискнул. Не лог. Не уведомление. Мелодия. Простая. Тихая. Как будто система решила, что им не нужна синхронизация пульса. Что они уже сделали это сами.

Экран погас. Контур стабилизировался. Магия ушла в штатный режим.

Они сидели. Руки соприкасались. Дышали в одном ритме. Не потому что так требовал протокол. А потому что так требовало что-то другое. То, что нельзя измерить. Только почувствовать.

— Это... — начала Лера. — Непредусмотренное отклонение от стандарта.

— Да, — ответил он. И вдруг, впервые, улыбнулся. Не официально. Не сдержанно. Просто. Тихо. Как человек, который нашёл в документации строчку, которую никогда не замечал. — Но иногда... отклонения работают лучше стандарта.

Она улыбнулась в ответ. Не потому что так положено. А потому что внутри что-то отпустило. Не контроль. Не ответственность. Просто... напряжение. То самое, которое она но-

сила с момента попадания в этот мир.

— Тест пройден? — спросила она, чуть отодвигая руку. Но не полностью. Оставляя возможность коснуться снова.

— Тест пройден, — подтвердил он. Встал. Поправил пиджак. Но теперь складки на рукавах казались не безупречными, а живыми. — Но вам стоит задуматься о резервировании. И... о лицензиях. Они нужны не для штрафов. Для стабильности.

— Для стабильности, — повторила Лера. — Поняла.

Он кивнул. Пошёл к двери. Остановился. Не обернулся. Просто сказал, не повышая голоса:

— У вас хороший сервис. Но он не прослужит долго, если вы будете думать только о скорости. Иногда порядок — это не клетка. Это фундамент.

— А иногда, — добавила она, глядя ему в спину, — фундамент нужен, чтобы на нём построить что-то, чего раньше не было.

Он замер. На секунду. Потом открыл дверь. Вышел. Закрыл её. Не хлопнув. Не тихо. Просто. Как человек, который оставляет за собой не пустоту, а возможность.

Лера осталась одна. Планшет снова работал. Очередь ждала. Клиенты улыбались. Но внутри неё что-то сдвинулось. Не сломалось. Просто... перестроилось.

Барсик прыгнул на стол. Сел. Посмотрел на дверь. Потом на Леру.

— Троп «первое касание в тесном пространстве», — про-

бормотал он. — Шкала: 9 из 10. Но ты хотя бы не уронила планшет. Уже прогресс.

— Я не роняю, — сказала Лера. Но пальцы уже набирали новый запрос. И в этот раз она добавила в параметры резервный канал. И ещё один. На всякий случай.

День шёл. Заказы множились. Отзывы сыпались, как конфетти. «Наконец-то магия без очередей!» «Анти-проклятие сработало за минуту, а не за неделю!» «Ребята, вы спасли мой бизнес, а не только урожай!» Лера читала их, и внутри росло то самое чувство, ради которого она всё затеяла. Чувство нужности. Чувство, что хаос можно приручить. Что можно сделать мир удобнее. Для всех.

Но к вечеру планшет начал глючить. Не часто. Но заметно. Задержки. Пропущенные пакеты. Странные логи: «Маршрут 7-Б не найден. Перенаправление в архив. Ошибка: форма 7-Б не подана».

Лера нахмурилась. Открыла бэкенд. Проверила каналы маны. Они были перегружены. Не критично. Но близко. Она перераспределила потоки. Добавила кэш. Убрала лишние анимации. Система стабилизировалась. Но внутри неё уже росло что-то другое. Тревога. Та самая, которая приходит не с криком, а с шёпотом. Ты всё сделал правильно. Но система устроена иначе. И она не прощает оптимизацию без согласования.

Барсик лежал на полу. Смотрел в потолок.

— Ты видишь трещину, — сказал он. Не вопрос. Утвер-

ждение.

— Вижу, — ответила Лера.

— И что будешь делать?

— Оптимизировать. Добавить буфер. Написать скрипт для автоматического перераспределения. Мы справимся.

— Ты всегда так говоришь, — заметил кот. — До момента, когда система говорит «нет». И тогда ты понимаешь, что хаос — это не враг. Это язык, на котором говорит реальность. А ты пытаешься перевести его на Excel.

Лера не ответила. Она просто посмотрела на экран. На растущую очередь. На отзывы. На монету, которую он оставил. На папку, которую он принёс. На своё отражение в стекле. Волосы выбились из пучка. Пиджак слегка помят. Глаза горят. Она была уставшей. Счастливой. Напуганной. И абсолютно уверенной в том, что делает.

Внезапно планшет пискнул. Не уведомление. Не заказ. Системное сообщение. Красное. С печатью, которой Лера раньше не видела.

«Уведомление от Совета Реальности. Ваша деятельность нарушает 147 пунктов Кодекса. Аудит назначен. Срок: 72 часа. Подготовка документов обязательна. Игнорирование приведёт к архивации локального сегмента.»

Лера замерла. Пальцы зависли над экраном. Воздух стал тяжелее. Барсик медленно поднял голову. Глаза кота снова сменили оттенок. На этот раз на стальной серый.

— Ну вот, — сказал он. — И всё пошло по сценарию. Ты

создала сервис. Сервис взлетел. Система заметила. Пришёл инспектор. А потом... будет конец света. Или комедия. В вашем жанре это тоже часто одно и то же.

Лера выдохнула. Закрыла глаза. Открыла. Убрала уведомление в архив. Не удалила. Просто отложила. Как делают все, кто запускает что-то с нуля. Потом начала писать скрипт. Потом проверила маршруты. Потом ответила на три новых заказа. Потому что мир не ждёт. Потому что клиенты ждут. Потому что она обещала себе не сдаваться.

Но в глубине души, под слоем метрик и дедлайнов, она знала: тот мужчина вернётся. Не как клиент. Не как странный прохожий. Как тот, кто принесёт с собой не только правила. Но и вопрос, на который у неё пока нет ответа.

А вопрос был простым. И страшным. И самым человеческим.

Что если порядок — это не клетка? А если хаос — не свобода? А если... они нужны друг другу, чтобы выжить?

Барсик зевнул. Закрыл глаза.

— Спишь? — спросил он, не открывая их.

— Нет, — ответила Лера. — Думаю.

— О чём?

— О том, как совместить несочетаемое.

— Любовь и бюрократию? — уточнил кот.

— Магию и сервис, — поправила она.

— Это одно и то же, — сказал Барсик. — Но ты поймёшь это позже. Когда инспектор снимет пиджак. Когда ты пере-

станешь прятать пучок. Когда мир начнёт глючить не из-за перегрузки. А из-за того, что вы двое слишком долго смотрели друг на друга, не решаясь сказать «да».

Лера ничего не ответила. Она просто продолжила работать. Потому что дедлайн ждал. Потому что система требовала внимания. Потому что в этом мире, как и в любом другом, спасение начиналось не с героизма. А с того, чтобы не бросать дело на полпути.

Но где-то за окном, в тумане, в шуме города, в мерцании фонарей, уже шёл человек. С папкой. С печатью. С взглядом, который умел видеть ошибки. И с сердцем, которое ещё не знало, что готово сломать правила ради одной улыбки.

А Лера пока не знала, что завтра начнётся не аудит. А встреча. Не проверка. А столкновение. Не конец стартапа. А начало чего-то, что нельзя измерить в метриках.

Но она уже чувствовала это. В задержке маны. В глитче на экране. В монете на столе. В тишине после его ухода.

В мире, где магия была сервисом, а апокалипсис — бюрократическим багом, самое опасное заклинание уже было запущено.

Оно называлось «химия».

И оно работало без лицензии.

ГЛАВА 4. УВЕДОМЛЕНИЕ О КРИТИЧЕСКОМ НЕСООТВЕТСТВИИ

Офис пах озоном, остывшим кофе и тем специфическим ароматом, который появляется только когда человек одновременно радуется цифрам и боится собственной смелости. Лера сидела за столом, собранным из двух ящиков с заклипаниями и старой офисной тумбы, и водила пальцем по поверхности магического планшета. Экран, имитирующий привычный Excel, но работающий на рунной логике, моргал зелёными ячейками. Триста подписчиков. Четыре звезды из пяти в отзывах. Конверсия в повторные заказы — семьдесят два процента. Для мира, где «техподдержка» отвечала только на вопрос «вы пробовали помахать палочкой в другую сторону?», это было не просто хорошо. Это было революционно.

Она поправила съезжавший пиджак. Ткань уже не раз гладила себя магическим утюжком, но складки упрямо возвращались, словно понимали: идеальный вид в условиях перманентного хаоса — это лишь временная иллюзия. Волосы, собранные в тугий пучок с утра, к полудню превратились в творческую конструкцию, из которой предательски выбивались две пряди. Лера не трогала их. Ей нравилось чув-

ствовать, как реальность сопротивляется порядку. Это было честно.

— Четыре звезды, — промурлыкал голос с подоконника. — Неплохо для продукта, который ты собираешь из подручных заклинаний и веры в светлое будущее. Но давай начистоту: если бы это был обычный стартап, ты бы уже сидела на подкасте с названием «Как я продала воздух», а не в комнате, где табло за окном периодически выдаёт «Ошибка 418: Я чайник».

Барсик лежал на свёрнутом вчетверо ковре, похожем на магический ковёр-самолёт, потерявший лицензию на полёты. Его шерсть слегка электризовалась, поднимаясь дыбом ушей, а хвост отбивал ровный, метрономический ритм. Глаза, обычно тёплого янтарного оттенка, сейчас отливали холодным серебристым — признак того, что кот перешёл в режим аналитика. Или пророка. Или и то, и другое одновременно.

— Я не продаю воздух, — ответила Лера, не отрываясь от экрана. — Я продаю время. Люди устали ждать по три часа, пока маг-подрядчик соизволит заглянуть в их кристальный шар. Я дала им кнопку. Нажал — получил. Прозрачно. Быстро. Без пафоса.

— И без лицензии, — парировал Барсик, зевая так, что продемонстрировал розовое нёбо и острые клыки. — Знаешь, в книгах обычно на этом месте автор вставляет главу про успех, чтобы потом сильнее ударить по читателю. Ты

сейчас в середине первой трети. Система начинает подтягивать файлы. Готовься к сюжетной бомбе.

Лера замерла. Палец завис над ячейкой «Доход за неделю». Она знала, что кот прав. Магия этого мира работала как старое корпоративное программное обеспечение: её можно было взломать, оптимизировать, заставить прыгать выше головы, но в какой-то момент администратор всё равно замечал несанкционированный доступ. И тогда начиналось.

Она открыла вкладку «Локальные аномалии». График шёл вверх, но линия была неровной, с мелкими провалами. Вчера заклинание «Очистка помещения» в квартире у пекаря сработало с задержкой в сорок минут и вместо пыли убрало только запах корицы. Позавчера клиентка жаловалась, что «Анти-проклятие Премиум» выдало предупреждение: «Ваша карма требует обновления. Перезагрузите судьбу? Да/Нет/Позже». Лера списывала это на баги интеграции. На то, что магические протоколы этого мира не рассчитаны на синхронизацию КР к человеческой логике. Но сейчас, глядя на скачущую линию, она поняла: это не баги. Это признаки. Система заметила.

— Барсик, — тихо сказала она. — Если придёт проверка...

— Придёт, — перебил кот, поднимая голову. — Вопрос не в «если», а в «когда» и «в какой форме». Совет Реальности не любит самозванцев, Лер. Особенно тех, кто ломает их монополию на «неудобство». Они десятилетиями корми-

ли мир очередями, бумажками и фразами «ваш номер будет обслужен в порядке живой очереди». А тут ты появляешься с подпиской, дедлайнами и, страшно подумать, клиентоориентированностью. Для них это не бизнес. Это ересь.

Лера закрыла планшет. Воздух в комнате сгустился. За окном, на площади перед зданием, где она арендовала угол, табло моргнуло. На секунду вместо привычного «Очередь: 47» высветилось «Ожидание подтверждения подлинности». Потом мигнуло, вернулось к норме, но Лера уже видела это. Мир дрожал. Не физически. Концептуально. Как сервер, на который легло слишком много запросов одновременно.

Она встала. Прошлась по комнате. Пиджак снова съехал. Она не поправила. Внутри поднималось знакомое, острое чувство — смесь паники и азарта. То самое, которое возникало, когда запускала продукт, зная, что рынок может тебя либо принять, либо съесть. Только здесь на кону стояли не инвестиции. Здесь на кону стояла реальность. Буквально.

— Мы не нарушаем закон, — сказала она вслух, скорее для себя, чем для кота. — Мы заполняем пробел. Они дают магию как роскошь. Я даю её как сервис. В чём разница?

— В том, — Барсик потянулся, вытягивая лапы так, что позвоночник хрустнул, — что ты думаешь, будто мир — это рынок. А мир — это архив. И в архивах не любят, когда файлы переименовывают без запроса.

Ответ пришёл через три минуты.

Не стук в дверь. Не звонок. Не магический импульс. Воз-

дух просто перестал быть воздухом. Он стал плотным, тяжёлым, наполненным запахом старой бумаги, воска и чего-то металлического, напоминающего разряд статики. Лера инстинктивно отступила на шаг. Барсик сел, выпрямил спину и перестал мурлыкать. Впервые за всё время его хвост замер.

Середину комнаты разорвал не звук, а текстура. Пространство свернулось, как лист, положенный под пресс, и из образовавшейся складки начал вылезать документ. Не бумажный. Не пергаментный. Он был сделан из чего-то среднего между светом и печатью, с чёткими краями, которые резали взгляд. Он падал медленно, как флаг в безветрие, но с каждой секундой становился тяжелее. Когда он коснулся пола, доски скрипнули. Не метафорически. Реально. Под досками что-то дрогнуло.

Лера подошла. Документ был размером с небольшой ковёр. Вверху, шрифтом, который кричал «мы серьёзнее, чем ваша жизнь», было написано:

«УВЕДОМЛЕНИЕ О КРИТИЧЕСКОМ НЕСООТВЕТСТВИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УСТАНОВЛЕННЫМ ПАРАМЕТРАМ РЕАЛЬНОСТИ (ФОРМА 7-Б/АУДИТ)»

Ниже шёл список. Не короткий. Не средний. Он шёл. И шёл. И шёл.

«Пункт 1: Осуществление магического воздействия без регистрации в Реестре Практиков Высшего Порядка.

Пункт 12: Использование заклинаний бытового класса в коммерческих целях без получения Лицензии С-4.

Пункт 23: Организация подписочной модели на услуги, требующие индивидуального согласования с Департаментом Равновесия.

Пункт 47: Игнорирование протоколов очередности при распределении магического потока.

Пункт 89: Внедрение интерфейсов, имитирующих технологические платформы, в среду, функционирующую на принципах интуитивного резонанса.

Пункт 104: Создание ложного ощущения доступности магии для лиц, не прошедших курс «Основы сдерживания хаоса».

Пункт 147: Подрыв фундаментального принципа “Всё должно быть сложно, иначе это не магия”».

Лера перечитывала. Не верила. Перечитывала снова. Каждая строка была выверена, отшлифована, пропитана годами бюрократической эволюции. Это не было злобой. Это было равнодушием, возведённым в абсолют. Совет не хотел её уничтожить. Совет хотел её привести в соответствие. А соответствие, судя по тексту, означало остановку. Полную. Окончательную. С архивацией локации и стиранием всех цифровых следов.

— Сто сорок семь, — прошептал Барсик. — Красивое число. Симметричное. В книгах обычно ставят сто сорок восемь, чтобы было нескучно. Но тут автор решил сделать больно.

Лера опустилась на колени. Пальцы дрожали. Не от стра-

ха. От ярости. От той холодной, расчётливой ярости, которая возникает, когда ты видишь, как система убивает не из вредности, а из привычки. Она встала. Подошла к столу. Открыла планшет. Ввела запрос на апелляцию. Экран моргнул. Выдал: «Ваш запрос принят в обработку. Ожидайте вызова на предварительный аудит. Время ожидания: не определено. Приносим извинения за неудобства».

— Удобства, — сухо сказала Лера. — Они приносят извинения за неудобства, пока уничтожают мой бизнес.

— Они уничтожают не бизнес, — Барсик подошёл, потёрся о её ногу. Шерсть снова статически поднялась. — Они уничтожают идею. А идеи, Лер, умирают только тогда, когда в них перестаёт кто-то верить. Ты ещё веришь?

Она посмотрела на кота. В его глазах серебристый оттенок сменился на тёплый, почти человеческий. В этот момент она поняла: он не просто комментирует. Он проверяет. Он ждёт, сломается она или нет.

— Верю, — сказала она. — Потому что если я сейчас сдамся, все те, кто ждал заклинание три часа, снова будут ждать. И я не могу это принять.

Воздух дрогнул. Не так, как раньше. Резче. Точнее. Как будто кто-то щёлкнул выключателем в соседней комнате. Табло за окном погасло. Потом мигнуло. Потом вместо очереди высветилось: «ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ АУДИТ. СЕАНС ИНИЦИАЛИЗИРОВАН. УЧАСТНИК: ЭЛИАН СТРОГОПИС, ИНСПЕКТОР МАГИЧЕСКОГО БЮРО НА-

ЛОГОВ И РАВНОВЕСИЯ. ПОДКЛЮЧЕНИЕ...».

Лера не успела отреагировать. Пространство перед столом сжалось, свернулось в точку, а затем развернулось в объёмную проекцию. Не голограмму в привычном смысле. Скорее, магическую копию, отлитую из света, бумаги и чего-то неуловимо живого. Она была чёткой. Детализированной. И она смотрела на неё.

Мужчина. Высокий. Прямой. Безупречный. Его форма — тёмно-синий, почти чёрный костюм с серебряными нитями, вышитыми вдоль воротника и манжет — сидела так, словно её не надевали, а создали вместе с ним. Волосы зачёсаны назад. Лицо строгое, с чёткими линиями, без тени сомнения. Но глаза. Глаза были не такими. В них не было уверенности. В них была усталость. Та самая, глубокая, выгоревшая усталость, которую скрывают за прямым взглядом и ровным голосом. Лера узнала её мгновенно. Она видела её в зеркале по утрам, когда цифры не сходились, а дедлайн дышал в затылок.

— Лера Васильева, — сказал он. Голос был ровным, низким, без эмоций. Как диктофон, записавший инструкцию по технике безопасности. — Подтвердите личность для начала аудита.

Лера сглотнула. В горле пересохло. Она поправила пиджак. Впервые за день руки были сухими.

— Подтверждаю. Лера Васильева. Основатель проекта «Удобство». Что вам нужно?

— Мне нужно понять, — он сделал паузу. Не для эффекта. Для обработки. — Как вы планируете оправдать нарушение ста сорока семи пунктов Кодекса Реальности в течение следующих двадцати четырёх часов.

— Я не планировала нарушать, — ответила Лера, чувствуя, как внутри закипает знакомое напряжение. — Я планировала помочь. Люди устали от очередей. От «потом». От «в порядке живой очереди». Я дала им доступ. Прозрачный. Быстрый. С поддержкой.

— Поддержка, — он повторил слово, как будто пробовал его на вкус. — Вы называете поддержкой то, что обходит протоколы безопасности? То, что игнорирует требования к калибровке магического потока? То, что создаёт иллюзию контроля там, где его нет?

— Я называю поддержкой то, что работает, — парировала она. Шаг вперёд. Проекция не отступила. Не могла. Но Лера почувствовала, как между ними натянулась невидимая нить. Не враждебная. Исследовательская. — Вы проверяете цифры. Я проверяю людей. В чём разница?

— В последствиях, — его голос стал тише. Но не мягче. Точнее. — Ваш сервис работает на пределе допустимой нагрузки. Вчера в секторе «Восточные кварталы» три заклинания наложились друг на друга из-за отсутствия синхронизации. Результат: временная инверсия гравитации в радиусе пяти метров. Один клиент потерял ботинок. Другой — чувство направления. Третий до сих пор не может произнести

слово «чай» без икоты. Это не поддержка. Это лотерея.

Лера замерла. Она знала про наложение. Видела в логах. Списала на «тестовый режим». Но он говорил не с осуждением. Он говорил фактами. И в его голосе, за бронёй формулировок, проступало нечто другое. Забота. Не к ней. К системе. К людям, которые могли пострадать, если она ошибётся.

— Я исправлю синхронизацию, — сказала она тише. — Дайте мне время. Не двадцать четыре часа. Сорок восемь. Я перестрою ядро. Уберу наложения. Добавлю буфер.

— У вас нет сорока восьми часов, — он покачал головой. Движение было едва заметным, но в нём была тяжесть. — У вас есть двадцать четыре. И я не даю их. Я фиксирую. Моя задача — проверить соответствие. Не искать оправдания.

— А если я докажу, что ваш Кодекс устарел? — выпалила она. Шаг ещё ближе. Проекция не дрогнула. Но Лера увидела, как его пальцы, невидимые в свете, слегка сжались. — Если я покажу, что «порядок» — это просто удобная форма для страха перед изменением?

Он посмотрел на неё. Впервые по-настоящему. Не как инспектор на объект. Как человек на человека. И в его глазах, на долю секунды, мелькнуло то, что он так тщательно прятал. Сомнение. Не в правилах. В их необходимости. В цене, которую они требуют.

— Правила существуют, — сказал он медленно, — не потому что мы любим ограничения. А потому что без них хаос съедает слабых. Вы хотите дать магию всем. Я видел, что

происходит, когда магию получают те, кто не готов её нести. Это не освобождение. Это пожар.

— А если я научу их не бояться огня? — её голос дрогнул. Не от страха. От искренности. От той самой честности, которую она прятала за цифрами и сроками. — Если я покажу, что они могут?

Он молчал. Долго. Воздух между ними стал плотнее. Не от магии. От напряжения. От того, как два мира, два мышления, две жизни столкнулись не в бою, а в разговоре. И в этом разговоре не было победителей. Были только люди, которые пытались понять друг друга через стену правил.

— Я не могу дать вам сорок восемь часов, — сказал он наконец. Голос был тише. Но в нём появилась трещина. Едва заметная. Настоящая. — Но я могу предложить условие. Предварительный аудит пройдёт в очном формате. Завтра. В девять утра. Вы предоставите доступ к ядру. Я проверю синхронизацию. Если найдёте ошибку в моих расчётах — я подпишу временное разрешение. Если нет...

— Если нет, — она договорила за него, чувствуя, как внутри сжимается что-то тёплое и острое одновременно. — Вы закроете проект.

— Я закрою проект, — подтвердил он. И впервые в его голосе прозвучало не приказание. А просьба. Скрытая. Тихая. — Докажите, что ваш хаос — не разрушение. А развитие.

Проекция дрогнула. Свет пошёл волнами. Интерфейс начал сбоить. Не резко. Медленно. Как будто сама магия не

могла решить, как соединить их миры. Лера сделала шаг. Он не отступил. Расстояние между ними сократилось. Не физически. Концептуально. Их глаза встретились. В его взгляде была не только строгость. Было любопытство. Была усталость. Была та самая искра, которая возникает, когда ты встречаешь человека, говорящего на другом языке, но понимающего ту же боль.

— Вы верите, что я справлюсь? — спросила она. Тихо. Честно. Без бизнес-шелухи. Без защиты.

Он посмотрел на неё. На её растрёпанный пучок. На съехавший пиджак. На пальцы, сжатые в кулаки, но не от злости. От надежды.

— Я верю, — сказал он медленно, — что вы попробуете. А в нашем мире попробовать — это уже половина нарушения.

Проекция моргнула. Свет свернулся. Комната вернулась к норме. Табло за окном снова показало «Очередь: 48». Воздух стал легче. Но Лера не двигалась. Она стояла посреди комнаты, чувствуя, как внутри что-то сдвинулось. Не страх. Не паника. Что-то другое. То самое, что возникает, когда ты понимаешь: противник — не враг. А зеркало. И в этом зеркале ты видишь не только свои ошибки. Но и свои возможности.

— Ну что, — Барсик потянулся, зевая. — Враги-в-любовники загрузка тропы... пять процентов. Автор явно не спешит. Но зато честно.

Лера не ответила. Она подошла к столу. Открыла план-

шет. Ввела новый запрос. Не апелляцию. План. Синхронизация. Буфер. Тесты. Двадцать четыре часа. Она не знала, справится ли. Но знала одно: завтра в девять утра к ней придёт человек, который носит правила как броню, но за этой бронью прячет усталость того, кто слишком долго держал небо на плечах. И она хотела, чтобы он увидел не только её ошибки. Но и её силу.

— Барсик, — сказала она, не отрываясь от экрана. — Закажи кофе. Двойной. И приготовься комментировать. Завтра будет жарко.

Кот улыбнулся. Не кошачьей улыбкой. Человеческой. Той, которая говорит: «Я знаю, чем это кончится. Но посмотреть стоит».

За окном мир продолжал глючить. Табло мигало. Очередь росла. Но Лера уже не боялась. Она работала. Потому что любовь в этом мире начиналась не с поцелуя. Она начиналась с честного взгляда через стену правил. С признания, что оба правы. И оба ошибаются. С решения попробовать. Несмотря на дедлайн. Несмотря на сто сорок семь пунктов. Несмотря на всё.

А где-то далеко, в здании Совета Реальности, связь ещё не до конца рассеялась. Лера почти чувствовала, как инспектор Элиан Строгопис снимает очки, протирает переносицу и смотрит на папку с её делом. И впервые за десять лет службы позволяет себе не проверить формулировку. А просто почувствовать. То самое, что он так долго прятал. Надежду.

Что хаос — это не конец. А начало. И что завтра, в девять утра, он узнает, прав ли он.

ГЛАВА 5. АУДИТ РЕАЛЬНОСТИ И ОДИН ЛИШНИЙ СТИКЕР

Дверь не открылась. Она просто перестала быть стеной.

Сначала дрогнул воздух, как экран смартфона, на который уронили каплю воды. Потом по периметру дверного проёма пробежала сетка из золотистых пикселей, похожая на цифровой сбой в приложении для видеозвонков. Лера оторвалась от магического планшета, где в таблице «Доставка_Заклинаний_v2.4» красным мигали три просроченных заказа. Она поправила пиджак, который уже второй день держался на честном слове и скрепке из мира №1, и шагнула к входу. Кот в переноске, стоящей на тумбочке, медленно повернул голову. Его зрачки расширились до размера пятирублевых монет.

— Опять техподдержка? — пробормотала Лера, уже зная ответ. — Если это снова курьер с лицензией на телепортацию третьего класса, скажи ему, что я оформила возврат. И пусть не звонит в дверь — она у нас по подписке.

Пиксельная сетка сомкнулась. Из образовавшегося прямоугольного проёма шагнул человек.

Нет, не человек. Инспектор.

Он вошёл так, словно воздух расступался перед ним, признавая устав. Тёмный костюм сидел без единой складки, пу-

говицы были застёгнуты с геометрической точностью, воротник рубашки — белоснежный, как только что выпавший снег в мире, где снег ещё не отменили за ненадобность. Волосы зачёсаны назад, ни один не осмелился выбиться. На левом запястье тикал хронометр с двумя стрелками и циферблатом, размеченным не цифрами, а печатями разной величины. В правой руке он держал не просто папку, а фундамент. Кожаный переплёт, позолоченные углы, толщина, способная остановить падение кирпича. Он положил её на стойку ресепшена, и та глухо стукнула, будто земля дрогнула.

— Добрый день, — голос прозвучал ровно, без интонационных скачков, как зачитанный пункт договора. — Инспектор Магического Бюро Налогов и Регулирования Реальности, Элиан Строгопис. Предъявляю ордер на внеплановый аудит операционной деятельности. Номер дела: 147-Б/Код. Срок исполнения: до закрытия рабочего дня.

Лера моргнула. Её мозг, натренированный на быстрые перемены, дедлайны и утренние стендапы, на секунду завис. Потом перезагрузился.

— Лера. Владелец и операционный директор проекта «Удобство». — Она протянула руку. — Мы работаем по модели подписки. Если у вас есть вопросы по тарифам, у меня есть презентация на двенадцать слайдов. Могу показать на планшете. Или на стене. Зависит от версии магии в вашем регионе.

Элиан посмотрел на её руку. Не пожал. Взял с папки пе-

ро с магическим чернилом, открыл крышку, сделал первую пометку в воздухе. Чернила зависли, превратились в строку: «Отказ от рукопожатия. Причина: отсутствие лицензии на межведомственный контакт. Фиксация: ч. 12, ст. 4 Кодекса».

— Аудит не предполагает презентаций проекта, — произнёс он. — Аудит предполагает проверку соответствия. Я начну с документооборота.

Лера медленно опустила руку. Внутри что-то дрогнуло. Не паника. Нет. Паника была в первой главе, когда она поняла, что магия здесь работает как кол-центр с бесконечным удержанием на линии. Это было другое. Чистое, острое, непривычное. Как будто впервые видишь человека, который говорит не лозунгами, а фактами. И это пугает, потому что факты не прощают.

— Хорошо, — сказала она, возвращаясь в режим «бизнес-кэжуал в фэнтези». — Документооборот у нас цифровизирован. Магический планшет, облачный архив, шифрование по стандарту «Тайна-3». Если вам нужны выписки, я могу сгенерировать отчёт.

Элиан медленно поднял взгляд. Его глаза были цвета остывшего свинца. Не холодные. Просто... сосредоточенные. Как камера, которая фокусируется на объекте, пока всё остальное не размывается в боке.

— Ваша система, — произнёс он, — работает на основе несанкционированного слияния бытовых чар с коммерческими протоколами. Это нарушение пункта 89 Кодекса.

Также отсутствует лицензия на трансграничную передачу маны. И форма 7-Б не подана в срок.

— Форма 7-Б? — Лера нахмурилась. — Это та, где нужно указать количество нарушенных причинно-следственных связей за отчётный период? Я думала, это шутка для новичков.

— Это не шутка, — Элиан открыл папку. Листы внутри были плотными, как картон, исписанными формулами, печатями, подписями, которые светились тусклым золотом. — Это база реальности. Без неё магия не знает, куда девать избыток энергии. Она копится. Создаёт баги. Вы их уже видели.

Лера вспомнила утренний инцидент: клиент заказал «Анти-проклятие Премиум», а получил пакет «Самоочищение_по_расписанию» с приложением «Уведомление_о_просрочке_совести». Магия выдала не то, потому что сервер не смог синхронизировать временные метки. Она списала это на «бета-версию». А теперь перед ней стоял человек с папкой, который говорил, что это не баг. Это особая задумка. Которая может сломать мир.

— Я не знала, — сказала она тихо. — Я думала, оптимизирую сервис. Ускоряю доставку. Делаю магию доступной.

— Доступность без регулирования — это хаос, — Элиан закрыл папку. — А хаос — это не сервис. Это риск. Я проведу первичную проверку. Где ваши журналы учёта?

Лера повела его вглубь офиса. Это было не столько по-

мещение, сколько экосистема. На стенах висели схемы потоков маны, похожие на метрополитен. В углу стоял серверный шкаф, обмотанный изолентой с надписью «НЕ ТРОГАТЬ, ПОКА НЕ СДЕЛАЕМ ХОРОШО». На столе — три кружки, одна с надписью «Дедлайн — это состояние души», другая с трещиной, третья с остывшим кофе. На мониторе бежал код, в котором переплетались древние руны и синтаксис Python. Барсик сидел на подоконнике, хвост двигался как метроном. Его шерсть слегка статически поднималась.

— Это... — Элиан остановился. Его взгляд скользнул по проводам, по стикерам, по схеме, где красным было отмечено «Зона_риска_магнитных_аномалий». — Это не офис. Это лаборатория импровизации.

— Это стартап, — поправила Лера, чувствуя, как внутри поднимается знакомый укол обороны. — Мы не ждём, пока система даст разрешение. Мы строим её. Пока другие пишут формы, мы запускаем тестовую версию.

— И когда ваша тестовая версия создаст разрыв в причинности, кто будет его чинить? — Элиан подошёл к столу. Его пальцы в чёрных перчатках аккуратно отодвинули стопку распечаток. Под ними оказалась схема с пометкой «Обход_лицензии_через_тестовый_режим». — Вы знаете, что тестовый режим не предназначен для коммерческого использования?

— Знаю, — Лера не отвела взгляд. — Но у нас не было выбора. Очередь на лицензию — шесть месяцев. За это вре-

мя триста клиентов остались без «Анти-стресс Базовый». Вы когда-нибудь пробовали объяснить магистру финансов, что его чары на баланс отчёта зависли из-за обновления ядра?

Элиан медленно повернулся. Их взгляды встретились. В этот момент где-то за окном тренькнул магический колокольчик, сработавший на уведомление о просрочке контракта. Барсик зевнул, показав идеальные клыки.

— Я не пробовал, — сказал Элиан. — Я выписываю штрафы.

Лера усмехнулась. Не зло. Скорее с горьким узнаванием.

— Значит, мы разные. Вы видите нарушения. Я вижу возможности.

— Возможности требуют рамок, — он сделал шаг ближе. Не агрессивный. Просто ближе. — Без рамок магия вытекает. Как вода. И заполняет то, что не должно быть заполнено.

Они стояли в полуметре друг от друга. Лера чувствовала запах. Не парфюм. Чистоту. Бумагу, чернила, что-то металлическое, как после грозы. Элиан смотрел на неё так, будто пытался прочесть текст, написанный на языке, который он знал, но не использовал. В этот момент Барсик фыркнул.

— Оценка тропа «оппозиция-в-притяжение»: семь из десяти, — прозвучал в голове Леры бархатный, слегка ленивый голос. — Минус три балла за отсутствие музыки. Плюс два за визуальный контраст: пиджак-хаос против костюма-порядок. Если бы это был сериал, зрители уже кричали бы в комментариях «ПОЦЕЛУЙТЕСЬ УЖЕ». Но нет. Мы во втором

акте. Тут полагается страдать от недопонимания.

Лера моргнула. Мысль о том, что кот только что прокомментировал их химический потенциал, вызвала смешанное чувство: раздражение и странное облегчение. По крайней мере, кто-то называет вещи своими именами.

Элиан, не заметив (или сделав вид, что не заметил) её реакции, достал из папки лист. Бумага была тяжёлой, с водяными знаками в виде переплетённых весов.

— Первичный акт фиксации, — произнёс он. — Подпишите здесь. И здесь. И здесь. Это подтверждает, что вы ознакомлены с нарушением и обязуетесь предоставить корректирующие документы в течение сорока восьми часов.

Лера взяла лист. Чернила на пергаменте мерцали. Она провела пальцем по строке: «Владелец обязуется приостановить коммерческую эксплуатацию несанкционированных чар до прохождения полного аудита». Её горло сжалось. Приостановить. Значит, заморозить сервис. Значит, триста клиентов получают уведомление «Услуга временно недоступна». Значит, рейтинг упадёт. Значит, инвестор, который уже смотрел на «Удобство» как на потенциальный кейс, отвернётся.

— Я не могу приостановить, — сказала она. — У нас подписочная модель. Отмена — это нарушение договора с клиентами. Я понесу убытки. И репутационные риски.

— Вы несёте риски реальности, — ответил Элиан. — И они дороже репутации.

Он протянул перо. Лера взяла его. Пальцы случайно коснулись его руки. Перчатка была тонкой. Под ней чувствовалось тепло. Не жаркое. Умеренное. Как у человека, который давно разучился расслабляться, но тело всё ещё помнит, что такое жизнь. Лера отдёргнула руку. Перо упало.

Оно не просто упало. Оно покатилося по столу, задело кружку, та накренилась, кофе вылился на стопку бумаг. Лера ахнула, Элиан дёрнулся, оба одновременно наклонились, чтобы поднять перо и салфетку. Их лбы оказались в сантиметре друг от друга. Лера почувствовала его дыхание. Ровное. Но в нём появился микро-ритм. Сбой. Как будто таймер сбивается на полсекунды.

Она замерла. Он замер. В этом сантиметре воздуха вдруг стало тесно. Не физически. Эмоционально. Как когда в чате появляется «печатает...», и ты ждёшь, но текст не приходит.

— Извините, — сказала Лера первой. Голос прозвучал тише, чем она планировала.

— Не стоит, — Элиан выпрямился. Он не отступил. Просто вернул дистанцию. Его взгляд скользнул по её лицу, задержался на глазах на долю секунды дольше, чем требовал протокол. — Я... подберу.

Он наклонился, поднял перо, вытер салфеткой стол. Движения были точными. Без суеты. Но Лера заметила, как его пальцы на долю секунды сжались. Как будто он тоже почувствовал этот сбой. Этот микро-глитч в системе, который не описан ни в одном кодексе.

Барсик потянулся, зевнул, и его глаза на мгновение сменили оттенок с янтарного на бирюзовый.

— Визуальный крючок для адаптации: номер восемь, — прокомментировал он. — Камера крупно: руки, стол, падающее перо, задержанный взгляд. Звук: тиканье хронометра, капля кофе, дыхание. Монтаж: медленно. Потом резко — уведомление на планшете. Потому что в ромке всегда есть третий, который рушит момент. Сегодня это я. Завтра будет дракон. Послезавтра — налоговая декларация.

Лера игнорировала кота. Она вернулась к реальности, где на планшете мигало красное: «Лицензия_на_межведомственный_контакт: просрочена на 3 дня. Требуется обновление. Нажмите для перехода».

— Хорошо, — сказала она, беря перо из рук Элиана. На этот раз аккуратно. Без касания. — Я подпишу. Но с оговоркой. Мы не приостанавливаем сервис. Мы переводим его в режим «бета с ограничениями». Клиенты получают уведомление о технических работах. Я предоставлю вам доступ к логам. Вы увидите, что мы не нарушаем причинность намеренно. Мы просто... ускоряем её.

Элиан смотрел на неё долго. Потом кивнул. Всего один раз. Но это был кивок не инспектора. Это был кивок человека, который услышал не оправдание, а предложение.

— Лог-доступ принимается, — сказал он. — Режим «бета с ограничениями» фиксируется как временное решение. Срок: семьдесят два часа. Если за это время не будет подана

форма 7-Б и не проведена синхронизация временных меток, аудит переходит во вторую фазу. Штрафные санкции. Приостановка лицензии. Архивация операционной среды.

— Архивация? — Лера нахмурилась. — Это что, отключение сервера?

— Это консервация, — Элиан закрыл папку. — Когда реальность решает, что узел слишком запутан, она его не развязывает. Она его замораживает. Чтобы не гнил дальше.

Лера почувствовала, как по спине пробежал холод. Не страх. Осознание. Этот мир не был злым. Он был уставшим. Как и все системы, которые пытались удержать хаос в рамках, но забыли, что рамки нужно иногда расширять.

— Я не дам вам архивировать мой стартап, — сказала она тихо. — Я не дам вам заморозить то, что я строила с нуля. Даже если для этого мне придётся заполнить триста форм.

Элиан посмотрел на неё. В его глазах что-то дрогнуло. Не улыбка. Что-то глубже. Признание.

— Тогда заполните, — сказал он. — Я пришлю шаблоны. И график проверок. Первый визит — завтра в девять. Второй — через сорок восемь часов. Третий — по результатам.

Он достал из внутреннего кармана визитку. Не бумажную. Металлическую пластину с гравировкой: «Элиан Строгопис. Инспектор. Контакт: пульсация три раза в зоне стабильной маны. Ответ: в течение рабочего цикла». Лера взяла её. Она была тяжёлой. Тёплой. Как ключ от двери, которую ещё не открыли.

— Спасибо, — сказала она. — За... визит.

— Это не визит, — Элиан уже поворачивался к двери. — Это аудит. Не путайте процедуру с гостеприимством.

Дверь снова стала стеной. Пиксельная сетка пробежала по периметру, сомкнулась. Остался только запах чернил и тиканье хронометра, которое, казалось, ещё минуту висело в воздухе.

Лера выдохнула. Опустила визитку на стол. Посмотрела на Барсика.

Кот сидел в той же позе. Хвост всё ещё метроном. Но глаза вернулись к янтарному.

— Троп подтверждён, — сказал он. — Семь из десяти. Динамика «контрол-фрик встречает агента хаоса» запущена. Прогноз: три неловких столкновения, один почти-поцелуй, прерванный налоговой декларацией, и финальная сцена, где они спорят о пунктуации, пока мир рушится на заднем плане. Рекомендация: не сопротивляйся. Хаос и порядок всегда притягиваются. Вопрос только в том, кто первый ломает правило.

Лера не ответила. Она села за стол. Открыла планшет. Ввела пароль. На экране загрузился интерфейс. Красные уведомления сменились жёлтыми. Она создала новую папку: «Аудит_Элиан_Строгопис». Внутри: «Логи», «Шаблоны_форм», «Расписание», «Заметки». Последняя заметка: «Он не враг. Он заложник системы. Как и я. Но мы смотрим в разные стороны одного окна».

Она откинулась на стул. Потёрла переносицу. В голове пульсировало одно: семьдесят два часа. Три дня. Чтобы доказать, что её хаос — не ошибка. А эволюция.

За окном магический ветер качал ветви дерева, чьи листья были похожи на пергаментные страницы. Где-то вдалеке тренькнул колокольчик. Новая заявка. Новый клиент. Новая задача.

Лера взяла ручку. Открыла ежедневник. Нарисовала три колонки: «Сделать», «Делегировать», «Игнорировать». В первую вписала: Форма 7-Б. Синхронизация меток. Доступ к логам для Элиана. Во вторую: Барсик на мониторинг багов. Игнат (если найдётся) на тестирование обходных путей. В третью: Паника. Сравнение с конкурентами. Мысли о том, что он слишком строг.

Она закрыла ежедневник. Посмотрела на визитку. Провела пальцем по гравировке. Металл был тёплым. Не от магии. От того, что кто-то держал её в руке. Давно. Или только что.

— Ладно, — сказала она вслух. — Играем по твоим правилам, инспектор. Но помни: в стартапах правила пишут те, кто быстрее бежит.

Барсик зевнул.

— В ромкомах правила пишут те, кто медленнее сдаётся, — парировал он. — И обычно это те, кто уже влюблён, но ещё не понял. Седьмой балл пока держится. Держи планку, Лера. Второй акт только начался. Апокалипсис подождёт. У него тоже дедлайн.

Лера усмехнулась. Впервые за день. Не вымученно. Честно. Она открыла новый документ. Назвала его: «План_аудита_в_формате_тестовой_версии». Начала печатать. Пальцы бежали по клавишам, как по струнам. За окном свет становился мягче. Магия гудела. Система жила. И где-то в этом гуле, между строками кода и печатями, между хаосом и порядком, зарождалось что-то, что ещё не имело названия. Но уже имело вес.

Она не знала, что это. Пока. Но знала одно: она не остановится. Ни ради рейтинга. Ни ради инвестора. Ни ради Кодекса.

А ради того взгляда. Задержанного на полсекунды дольше.

И ради формы 7-Б, которую она заполнит. Даже если графа «укажите количество нарушенных причинно-следственных связей» будет пустой. Она напишет там: «Нарушено: ожидание. Исправлено: действие».

Планшет пикнул. Новое уведомление: «Элиан Строгопис отправил вам файл: Шаблоны_аудита_v1.0.pdf. Размер: 34 МБ. Содержит: 147 пунктов. Срок ответа: 72 часа».

Лера нажала «Открыть». Экран загрузился. Текст пошёл строками, как код. Она начала читать. Не как предприниматель. Не как нарушитель. Как человек, который впервые видит карту местности, где заблудился. И понимает, что компас у неё в кармане. А не в инструкции.

Барсик спрыгнул с подоконника. Подошёл к столу. Поло-

жил лапу на край пергамента.

— Троп работает, — сказал он тихо. — Не спеши. Дыши. И помни: лучший аудит — тот, где проверяющий и проверяемый учатся друг у друга. Остальное — детали монтажа.

Лера кивнула. Не ему. Себе. И продолжила читать.

За окном стемнело. Магия зажглась синим. Офис работал. Сервер гудел. И где-то в недрах реальности, между строками Кодекса и кодом стартапа, тикал хронометр. Отсчитывая семьдесят два часа. Отсчитывая до встречи. Отсчитывая до того момента, когда порядок и хаос перестанут спорить. И начнут договариваться.

А пока — форма 7-Б. Логи. Шаблоны. И одна визитка, которая грела ладонь сильнее, чем магия.

ГЛАВА 6. СТАТУС- ОБНОВЛЕНИЕ: МРАКОЗАВР, ИЛИ КОТ, КОТОРЫЙ СЛОМАЛ ЧЕТВЁРТУЮ СТЕНУ

Утро в мире, где магия работала как сломанный кол-центр, начиналось не с пения птиц, а с вибрации магического планшета. Лера проснулась от коротких, настойчивых толчков по деревянной столешнице, которая служила ей и письменным столом, и обеденной зоной, и импровизированной кроватью, когда сроки сжимались до критических размеров. На экране, залитом мягким голубым свечением, мигало тридцать четыре уведомления. Каждое было оформлено в стандартном стиле Совета Реальности: строгий шрифт, красная рамка, иконка восклицательного знака, от которого веяло не заботой, а угрозой штрафных санкций. Магический интерфейс не умел группировать задачи. Он просто сыпал их на пользователя, как конфетти на похоронах, сопровождая каждое всплывающее окно лёгким гудением, от которого ныли зубы и начинало сводить скулы.

«Заклинание „Тёплый пол“ просрочено. Требуется обновление лицензии v.3.1. Несоблюдение ведёт к деградации теплового контура».

«Клиент №14 жалуется: „Анти-Голод Премиум“ вызывает вкусовой фон картошки с мылом. Просим возврат баллов лояльности».

«Системный сбой: в радиусе трёх кварталов все уличные фонари мигают азбукой Морзе. Сообщите, если это запланированная функция».

«Очередь на активацию „Быстрой сушки волос“ превысила лимит. Прогноз времени ожидания: 47 минут. Рекомендуем включить „Терпение Базовое“».

«Заявка №889: Заклинание „Забыть бывшего“ сработало с ошибкой. Клиент помнит не только бывшего, но и его мать, кота и рецепт борща. Требуется срочный откат».

Лера села, потирая виски. Волосы, вчера уложенные в аккуратный пучок, уже сдавали позиции: несколько тёмных прядей выбились и упали на лоб, словно солдаты, сложившие оружие на поле боя с гравитацией. Пиджак, который она надела вчера вечером, помялся так, будто пережил ночную сессию по отчётам в комнате без окон. Она провела рукой по лицу, вдохнула воздух, пахнувший старой бумагой, озоном и слегка подгоревшим тостером, и включила планшет. Графики прыгали. Ключевые показатели падали. Очередь на «Анти-Прокрастинацию Базовую» выросла на сорок семь процентов. Часы показывали 07:14. Мир уже требовал внимания. Именно не просил, а требовал.

«Если бы я знала, что переноска с котом — это билет в адский отдел клиентской поддержки, я бы просто заказала

пищцу и легла спать», — пробормотала она, нажимая кнопку «Принять все заявки». Экран мигнул, принял команду и тут же выдал ещё двенадцать всплывающих окон. Лера быстро сортировала: три срочных, семь средних, двадцать четыре — фоновые. Она открыла первую заявку, активировала диагностическое заклинание «Сканирование контура», и на экране тут же поплыли строки кода, написанные на смеси латыни и бухгалтерских формул. Магия здесь не была чудом. Она была инфраструктурой. А инфраструктура требовала обслуживания. Лера знала это ещё со времён своего первого проекта в Москве, когда сервер падал в пятницу вечером, а команда пила просроченный кофе и молилась на дублирующие базы. Здесь молились на лицензии. И тоже пили просроченный кофе.

Она провела пальцем по экрану, перенаправляя поток магии для «Тёплого пола» через резервный канал. Строки замигали зелёным. Клиент №14 получил автоматический ответ: «Ваш вкусовой профиль скорректирован. В качестве компенсации: бесплатный месяц „Сладкий десерт Базовый“. Приносим извинения за мыло». Лера выдохнула. Это работало. Не идеально. Но работало. Она чувствовала себя не волшебницей. Не героиней. Техподдержкой, которая пытается удержать падающий самолёт скотчем и верой в то, что он починится раньше, чем упадет. И почему-то это устраивало её больше, чем любые пророчества.

Барсик, спавший в углу на подушке-облаке, которую Ле-

ра купила на распродаже артефактов для сна, открыл один глаз. Зрачок, обычно тёпло-янтарный, напоминающий расплавленную карамель, на секунду стал ледяно-бирюзовым. Кот зевнул, потянулся, вытянув передние лапы и выгнув спину, но вместо привычного «мяу» из его пасти вырвался звук, похожий на помехи в радиоприёмнике: шипение, щелчок, статический треск, а затем — чёткий, бархатный, с лёгким британским акцентом голос, от которого в комнате словно упало давление. Воздух стал тяжелее. Свет на секунду замер. Будто мир задержал дыхание, прежде чем сказать первое слово.

— Если ты продолжишь тыкать в этот планшет, как в кнопку лифта, он перегреется. И не от магической энергии. От человеческого непонимания пользовательского опыта.

Лера замерла. Палец завис над экраном. Она медленно повернула голову, будто боясь, что резкое движение нарушит хрупкую границу между реальностью и галлюцинацией. В голове проносились десятки объяснений: галлюцинация от недосыпа, побочный эффект межмирового перехода, магический вирус, подхваченный через нелегализованное заклинание «Бодрость Экспресс», которое она активировала вчера в три часа ночи, потому что дедлайн не ждал. Но её мозг, натренированный на предпринимательскую логику, выбрал единственный рабочий алгоритм: проверить факты, оценить риски, адаптировать процесс.

— Ты... — Лера сглотнула. Голос предательски дрогнул.

— Ты сказал «пользовательского опыта»?

— Я сказал много вещей, — ответил кот, не шевеля губами. Голос шёл откуда-то из пространства вокруг него, будто встроенный динамик в воздухе, с лёгким эхом, как в пустом кинозале. — Но раз уж мы перешли в режим «персонаж осознаёт себя в кадре», давай договоримся: я не буду прятаться за мурлыканьем, а ты перестанешь делать вид, что мир вращается вокруг твоих дедлайнов. Это не эгоцентризм. Это жанровая ошибка. Ты строишь сюжет на хаосе, но забываешь, что хаос без структуры — это просто шум. А шум никто не смотрит до конца.

Лера медленно встала. Колени хрустнули. Она сделала шаг к углу, потом ещё один, пока не оказалась в метре от подушки. Барсик сидел в идеальной позе. Хвост двигался ровно, как метроном, отсчитывающий секунды до катастрофы. Шерсть на загривке слегка искрила статикой, будто кот только что прошёлся по ковру в синтетических носках в сухую погоду. Его взгляд был направлен не совсем на неё. Скорее — сквозь неё. Слово он читал субтитры, которых ещё не было, или видел временную шкалу, которая только начинала обрисовываться. В воздухе пахло озоном и старым пергаментом. Лера почувствовала, как по спине пробегает холодок. Не от страха. От узнавания.

— Ты говоришь, — констатировала она, стараясь держать голос ровным.

— Говорю, — подтвердил Барсик.

— Почему?

— Потому что система сбоит, а ты пытаешься чинить её мышкой. — Кот зевнул, демонстрируя клыки, которые на мгновение отблеснули металлическим, как у робота из дешёвого киберпанка. — Я здесь не для красоты. Я здесь для корректировки. И да, если ты спросишь, я не просто кот. Я Мракозавр Древний. Статус: спящий, но не вышедший. Версия: бета. Функционал: наблюдение, коррекция сюжета, сарказм по тарифу «Премиум». И да, я не люблю сухой корм. Он портит дикцию.

Лера молчала пять секунд. Потом десять. Потом встала, прошла к столу, налила воду в кружку, выпила половину, поставила обратно, повернулась к коту и сказала:

— Хорошо. Если ты Мракозавр, то у тебя есть метрики?

Барсик моргнул. Аметист в глазах дрогнул, сменившись тёплым золотом.

— Вот за это я тебя и выбрал. Не за пиджак. Не за таблицу в триста строк. За то, что ты не упала в обморок, а спросила про показатели. — Он потянулся, зевнул, и статика на шерсти на секунду вспыхнула фиолетовыми искрами. — Моя задача — не дать этому миру заархивироваться из-за чужой лени. Твоя задача — не убить себя, пытаясь заменить Совет Реальности одним человеком. Пока мы в минусе. Но есть потенциал. Ты строишь пилотную версию на живом коде. Это опасно. Но это честно. А честность в фэнтези — редкий товар. Обычно тут продают пафос и мечи.

Лера вернулась к столу, открыла новый файл. Назвала его «Консультант_Барсик_v1». Написала: «Роль: наставник/аудитор. Компетенции: системный анализ, мета-комментарий, нарушение четвёртой стены (требуется уточнения). Условия сотрудничества: доступ к данным, отсутствие попыток запихнуть в лоток, оплата в тунце и уважении». Пальцы слегка дрожали. Не от страха. От адреналина. От ощущения, что она стоит на пороге чего-то, что уже не будет прежним. Дело, которое начиналось как шутка над бюрократией, вдруг обрело вес. И голос.

— Ты серьёзно ведёшь протокол? — спросил кот, приподняв бровь. У котов не бывает бровей, но у этого они появились. Тонкие, выразительные, идеально подходящие для скептического взгляда.

— Я веду учёт, — Лера нажала «Сохранить». — Если ты будешь работать на полставки, я оплачу тебе премиум-корм и подушку с ортопедической пеной. Если начнёшь саботировать процесс — переведу на сухой корм и лоток с песком. Рынок есть рынок. Даже в фэнтези. И да, я не верю в бесплатные советы. Бесплатные советы обычно стоят дороже всего.

Барсик фыркнул. Но в фыркание не было злости. Было что-то похожее на уважение. На признание равного.

— Принято. Теперь слушай внимательно. Твой сервис — симптом. Не болезнь. Магия здесь не «сломалась». Она устарела. Кодекс Реальности писался триста лет назад. С тех пор никто не обновлял ядро. Все исправления — космети-

ческие. Ты запустила пилотный продукт, который обходит устаревшие протоколы. Система реагирует как любая архаичная программа: тормозит, вылетает, шлёт уведомления об ошибке. Но это не значит, что ты всё испортила. Это значит, что ты первая, кто решил запустить обновление вручную. И знаешь, что самое смешное? Совет думает, что контролирует реальность. А реальность давно перешла на подписку. И ты — первый, кто это заметил.

Лера перечитала свои заявки. Клиенты жаловались на сбои, но никто не писал, что заклинания «не работали». Они писали: «вкус странный», «тепло неравномерное», «таймер сбился». То есть магия функционировала. Просто её интерфейс не соответствовал ожиданиям. Как старое приложение на новом телефоне. Как программа, написанная для клавиатуры, которой больше не существует. Она поняла это ещё вчера, когда клиент №14 попросил «вернуть вкус как у мамы», а она осознала, что «вкус» — это не параметр. Это контекст. И контекст нельзя прописать в формуле. Его нужно чувствовать.

— Значит, мне не чинить, — медленно сказала она, проводя пальцем по краю стола. — А адаптировать. Перевести на язык пользователей. Сделать дизайн понятным. Убрать лишние шаги. Дать обратную связь сразу. Не через три дня, не через очередь. Сразу.

— Бинго. — Барсик закрыл глаза, но голос звучал чётко, без малейшей сонливости. — Но учти: Совет не любит, когда

их код трогают без разрешения. Особенно если трогает попанданка без лицензии на межмировое предпринимательство. Скоро придут. Не клиенты. Инспекторы. И поверь, их папки весят больше, чем сама реальность. Они весят не бумагой. Они весят ответственностью. И если ты не готова нести её — закрой сервис. Пока не поздно.

Лера не ответила сразу. Она посмотрела на окно. За стеклом проплывали облака, но их края слегка размывались, как картинка с низким разрешением. Мир сбоил. Не катастрофически. Едва заметно. Но она это видела. Как разработчик видит ошибку в журналах. Как предприниматель видит отток пользователей. Как женщина видит, что мужчина в её жизни слишком долго смотрит на дверь, вместо того чтобы остаться.

— Я не закрою, — сказала она тихо. — Потому что если я закрою, кто будет чинить ?

Словно в подтверждение, дверь в кабинет открылась без стука. Не хлопнула. Не скрипнула. Просто распахнулась, будто её открыла невидимая рука, настроенная на точность до миллиметра. В проёме возник силуэт, отрезавший свет из коридора. Воздух стал плотнее. Будто пространство само напрягалось, готовясь принять вес того, кто вошёл.

На пороге стоял Элиан Строгопис.

Он выглядел так, будто только что вышел из пресса: форма идеально отглажена, ни единой складки на рукавах, воротник застёгнут на все пуговицы, даже те, что не видны под

подбородком. Волосы зачёсаны назад, без единого выбившегося волоска. Взгляд прямой, чёткий, как линейка. В руках он держал папку, обтянутую тёмной кожей, с золотым тиснением «АУДИТ_ПРОВЕРКА_СТ.147». Папка казалась не просто тяжёлой. Она казалась гравитационной аномалией. Воздух вокруг неё слегка искривлялся, как асфальт в жаркий день. Стол рядом с дверью тихонько скрипнул, когда Элиан переступил порог. Лера почувствовала, как сердце сжалось. Не от страха. От узнавания. От того, что он снова здесь. И снова не постучал. И снова принёс с собой не угрозу. А вопрос.

— Доброе утро, гражданка Лера Власова, — произнёс он ровным, отточенным голосом, в котором не было ни раздражения, ни удивления. Только протокол. — В соответствии с пунктом 8.2 Кодекса Магического Бюро Налогов, я прибыл для проведения расширенного аудита вашей деятельности. Прошу предоставить доступ к журналу транзакций, реестру лицензий и первичной документации по всем активированным заклинаниям.

Лера посмотрела на папку. Потом на Элиана. Потом на Барсика. Кот открыл один глаз. Зрачок стал тёмно-изумрудным. В воздухе повисло молчание. Оно не было пустым. Оно было натянутым. Как струна, готовая зазвучать.

— О, вот и порядок в человеческом обличье, — промурлыкал Барсик, но теперь голос был слышен не только Лере. Элиан замер. Папка дрогнула в его руках. — Не волнуйтесь,

инспектор. Я не вирус. Я техподдержка. Просто в другой комплектации. И да, я не ем сухой корм. Это портит тембр.

Элиан медленно перевёл взгляд на кота. Его лицо не дрогнуло. Но пальцы на папке сжались чуть сильнее. Костяшки побелели. Он сделал вдох. Глубокий. Размеренный. Как человек, который привык контролировать пространство вокруг себя, но вдруг понял, что пространство перестало подчиняться правилам.

— Это... одушевлённый артефакт? — спросил он.

— Это кот, — ответила Лера. — И он говорит. И да, он в штате. Консультант по пользовательскому опыту. И нет, он не зарегистрирован в реестре. Потому что реестр не предусматривает графу «сущность с мета-комментарием».

— В штате? — Элиан моргнул. Впервые за всё время, что Лера его знала, в его голосе проскользнула трещина. Не паники. Недоумения. — Гражданка Власова, вы не регистрировали ни одного сотрудника. Ни одного. В том числе одушевлённого. Ни одного млекопитающего с речевым аппаратом. Это нарушение пункта 12.4 и 12.9 одновременно. И это... усложняет аудит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.